

Ольга Корк

Дерзкая и Решительный

История одного завоевания

Любовь в Бринхолле

Ольга Корк

**Дерзкая и Решительный.
История одного завоевания**

«Автор»

2026

Корк О.

Дерзкая и Решительный. История одного завоевания / О. Корк —
«Автор», 2026 — (Любовь в Бринхолле)

После предательства мужа я усвоила несколько простых правил: не верить красивым словам, не связываться с лордами и никогда не позволять мужчинам решать мою судьбу. Жаль, Себастьяна Крэя с этими правилами никто не ознакомил! Он вихрем ворвался в мою заново устроенную жизнь — слишком настойчивый, слишком надёжный, слишком красивый и решительный. Я собиралась держаться от него как можно дальше. Но этот лорд привык добиваться своего...- Одна очень свободолюбивая героиня со своей кондитерской- Один крайне решительный мужчина- Очаровательные дети- Котик с большой душой и пушистой костью

© Корк О., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
2.2	14
Глава 3	17
3.2	19
3.3	21
Глава 4	23
4.2	25
Глава 5	27
5.2	29
5.3	31
5.4	33
Глава 6	35
6.2	38
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Ольга Корк

Дерзкая и Решительный.

История одного завоевания

Глава 1

Дилижанс мерно покачивался на дороге. Внутри было душно, неприятно пахло потом и чесночными колбасками, которые с полчаса назад изволил есть мой сосед. Узкая деревянная скамья больно впивалась в ноги, ребенок на руках милой улыбчивой, но изрядно уставшей женщины плакал, а его папаша непрестанно перед всеми извинялся, но и пальцем не пошевелил, чтобы помочь жене. Обстановка была тяжелой, путешествие обещало быть долгим, но меня всё это мало волновало. Мне было о чем побеспокоиться. Прислонившись головой к стеклу окна, я смотрела, как мимо проплывают деревья, как клубится пыль на дороге, как легкий ветерок шевелит траву вдоль тракта.

Вообще, я любила путешествовать. Раньше часто отправлялась в путь с отцом. Правда, наши поездки всегда были более чем комфортными. В наемных каретах, без незнакомцев в попутчиках, с мягкими диванчиками и возможностью остановиться в любой гостинице по дороге. С мужем мы путешествовали редко. Но и с ним поездки были увлекательными. А сейчас... Сейчас я разведенная женщина, с позором изгнанная из дома, потерявшая всё, что мне осталось от родителей. Одинокая. Преданная. И как символ моей глупости и полученного опыта – черный контур брачной метки, которую я вынуждена прятать под рукавом платья. Боги, как же я докатилась до такого?

Вздыхнув, на секунду зажмурилась. К чему эти глупые вопросы, если я точно знаю, как это было?!

Распахнув глаза, погрузилась в воспоминания...

Вот мне десять лет, и я хохочу, бегая по саду нашего дома. Мы с мамой уворачиваемся от раскинутых рук отца, который ловит нас с завязанными глазами. Мы были счастливы. Каждый день для меня был наполнен радостью. Я обожала своих родителей. И, конечно, в доме случалось всякое: и споры, и ссоры, и громкое возмущение отца, и тихие уговоры мамы. И даже слезы. Но это жизнь. В ней не бывает всё идеально. И, несмотря на это, я точно знала, что родители любят друг друга. Что папа делает всё и даже больше, чтобы мы с мамой ни в чем не нуждались, и что для него нет ничего важнее, чем счастье его «девочек». Знала, что мама дышит их любовью. Что она живет ради отца. Видела, как она с высоко поднятой головой игнорировала все насмешки соседей – они говорили, что мой отец торгош, который мнит себя лордом. Видела, как мама может одним взглядом успокоить буйный нрав отца. И я мечтала когда-нибудь полюбить так же. И быть такой же счастливой.

А вот мне уже тринадцать, и я дрожащая, с лицом, умытым слезами, стою возле постели матери и смотрю в ее потухшие безжизненные глаза. Она только что сказала мне быть сильной и не бросать отца, ведь ему будет очень тяжело привыкнуть жить без нее. Я и не знала, что мама болела. Она не выдавала свое состояние ни словом, ни жестом. И наверное поэтому ее смерть стала настоящим потрясением. У меня не было времени подготовиться к мысли, что скоро я у папы останусь одна. Каким ударом это стало для отца, мне даже вспоминать страшно. Первые полгода после смерти мамы он не жил – существовал. И ведение дома тогда легло на мои детские плечи. Как и разговоры с торговыми партнерами отца. Боги, как же я тогда тряслась и боялась. Боялась ошибиться. Боялась потерять то, что папа строил годами. Но каким-то чудом

мы справились, и отец пришел в себя до того, как я своими наивными поступками успела все разрушить. Незабываемый опыт!

А вот мне девятнадцать. Я уже уверенно чувствую себя в конторе папеньки, смело веду документы и счетные книги, умею жестко разговаривать с наемными работниками и смело спорить с партнерами нашего семейного дела... И я влюбилась.

Боги, как же я влюбилась. Он был такой... Блистательный! Невероятный. Умопомрачительный. Виктор Торн. Высокий, широкоплечий. С волевым подбородком и мягким, добрым взглядом. Он улыбался мне, и на его щеках я видела краску смущения. Лорд Торн пришел в лавку отца, чтобы сделать заказ на поставку кружева. Ему было двадцать два, он был молод, романтичен и горел желанием сделать подарок сестре на ее пятинадцатилетие. В тот день я была в лавке и отпустила на десять минут продавца, так как день был тихим, а Кларку необходимо было отлучиться до аптечной лавки. Так мы познакомились.

В тот год я летала на крыльях своей влюбленности. Отец, видя, что дочь влюбилась в лорда, и понимая, что по статусу мы не подходим друг другу, начал работать еще усерднее. Потому что он хотел мне счастья. Он жаждал, чтобы я была устроена в жизни и не волновалась о своем завтрашнем дне.

Вот мне двадцать один и я невеста. Помолвка была шикарной. Жених не отходил от меня ни на шаг. Виктор вообще с ума сходил от меня и всё хотел быстрее сыграть свадьбу. Я? Я вообще потеряла голову от счастья и не замечала ничего вокруг. Как и не заметила, что мой отец угасает. В течение полугода со дня помолвки он из здорового, с виду крепкого мужчины превратился сначала в тень самого себя, а потом попросту не проснулся утром.

Вереницу встреч с проверенными партнерами отца, стервятниками-кредиторами я плохо помню. Виктор был рядом и поддерживал меня каждый день, помогал принять какие-то решения, отговаривал от безумных предложений. Если бы не он, я бы потеряла половину из того, что мне осталось от родителей. Но мы справились, и я в одночасье превратилась из дочери торговца в очень завидную невесту с небольшими нюансами в родословной. Ах, высший свет, как ты забавен и лицемерен!

Мне двадцать два. Я жена! Наконец-то Виктор весь мой. И плевать, что он не наследует титул отца. И плевать, что по закону всем моим имуществом теперь распоряжается муж. Плевать! Мы любим друг друга. Мы молоды. Мы счастливы! Виктор настоял на старом ритуале бракосочетания, и на моем запястье горит брачная метка. Это ли не доказательства нашей вечной любви и нерушимых уз?!

Четыре года, четыре! Четыре года я была самой счастливой женой. У меня было всё, о чем я мечтала в детстве, и даже больше. Добрый, заботливый, внимательный муж. Свое дело, которым правил твердой рукой Виктор. Дом, в котором было сделано всё так, как мне того хотелось. Милые, наполненные улыбками дни и жаркие, наполненные страстью ночи. И лишь одно омрачало нашу жизнь — отсутствие детей. Но я была уверена, что всё еще будет, что всё наладится и совсем скоро, вот-вот я смогу порадовать Виктора новостью, что мы станем родителями. Тем более я была уверена — он станет прекрасным отцом! Одна маленькая тучка в моей безоблачно счастливой жизни.

Но месяц назад в нашем доме неожиданно разразился гром...

Это произошло примерно месяц назад, вечером. Я вошла в кабинет Виктора с чашкой кофе в руках. Муж сидел за столом, перебирал бумаги с сосредоточенным, я бы даже сказала, недовольным видом.

— Родной, что-то случилось? — поставив перед ним кофе, с тревогой поинтересовалась я, не сводя взгляда с его нахмуренных бровей и такой чужой, незнакомой мне морщинки между ними. — Ты обеспокоен?

Мой любимый, такой родной Виктор даже не поднял на меня взгляд. Он лишь сдвинул в сторону стопку документов и, подняв чашку с кофе, холодно бросил в ответ:

— Нам нужно поговорить.

Я от растерянности глупо захлопала ресницами. Никогда еще Виктор не говорил со мной таким тоном. Никогда!

— Милый, что случилось? — спросила я вмиг осипшим голосом, медленно опускаясь в кресло.

— Я ходил к храмовникам, Элис. Подал запрос о разводе. Больше так продолжаться не может. Меня не устраивает наш брак.

— Ч-что? — у меня перехватило дыхание, и я еле смогла задать свой вопрос. Казалось, что чья-то невидимая рука крепко вцепилась мне в горло и давит, давит, давит, не давая ни вздохнуть, ни произнести ни звука.

Это какая-то дурная шутка? Бред? Я сплю? О каком разводе может идти речь? Мы же женились по старым обычаям. У нас же метка!

— Но как же, — последняя мысль придала сил, и я даже смогла прохрипеть несколько слов. — Как же метка, Виктор?

— А что метка? — Муж наконец-то поднял на меня взгляд, и меня вдруг окатило ледяным презрением. — Метка не родит мне детей! Метка не может наполнить дом детским смехом. И метка не смогла сделать нас счастливыми.

«Но я счастлива! Я СЧАСТЛИВА!» — хотелось мне закричать в ответ, но не получалось. Потому что именно в тот момент я не была счастливой. Униженной, растоптанной, в ужасе, растерянной — какой угодно, но не счастливой.

— Виктор, одумайся, храмовники никогда...

— Они уже одобрили мое прошение, Элис. Отсутствие детей и бесплодная жена является достаточной причиной, чтобы храмовники провели ритуал расторжения нашего брака. Так что не питай ложных иллюзий. Дело за малым, необходимо дойти до храма в течение недели и пройти нужную процедуру.

Процедуру... Вот так, одним сухим словом он смог обозначить мою рухнувшую счастливую жизнь. Процедура! Процедура, после которой у меня на руке останется черный контур потухшей метки. Как печать, как метка моего позора. Именно моего, потому что это на меня будут косо смотреть, это меня будут обвинять в распавшемся браке. Это за моей спиной будут шептаться и тихо хихикать. Так тихо, чтобы я точно услышала. Это всё будет со мной только потому, что в нашем чудесном обществе принято в семейных неудачах винить женщину. А в нашем чудесном городе меня и так не любят, так как посмела выйти замуж за лорда. Пусть младшего в семье, но лорда! А теперь... Что со мной будет теперь? Процедура? А потом? Как жить здесь? Как...

— Виктор, нет, — тихо всхлипнула я и потянула к нему руку. — Ты не можешь говорить всерьез. Ты же знаешь, врачеватели говорят, что нам просто нужно больше времени. Что шанс родить ребенка у нас есть. Зачем ты так со мной? Я... Я люблю тебя, Виктор!

— Твоей любви недостаточно, Элис. И давай обойдемся без истерик. Прощение уже подано и удовлетворено, нас ждут в храме. А потом мы будем жить каждый своей жизнью.

— И... И где ты будешь жить свою жизнь?

Что толкнуло меня задать этот вопрос? Наверное, уверенность в том, что мой милый, любимый и любящий, сильный, уверенный и решительный муж всё же порядочный мужчина, и раз ему так опостылела наша семейная жизнь, то это он уйдет, оставив меня в моем доме. Какая я была дура!

— Я? Милая моя, ты, наверное, забыла наши законы и те документы, что ты подписала перед бракосочетанием?

— Что? ЧТО?

— Не смей поднимать на меня голос! Это мой дом. В нем находятся мои вещи. В банке размещен мой счет с моими деньгами. Ну ты помнишь, вся твоя финансовая часть с момента обряда стала принадлежать супругу. Под его, то есть моей, заботой и ответственностью. Так что я не понимаю, чему ты удивляешься?

— Я? — слезы высохли так же быстро, как и появились. В этот момент меня окатило волной обжигающей ярости. — Мы живем в доме моих родителей! В банке лежат деньги, заработанные моим отцом. Да даже твой бизнес и тот весь стоит только на крепкой основе работы моего папы. И ты смеешь мне говорить, что никуда не уйдешь? Вспомнил о законах?!

— А о чем мне еще нужно вспоминать? Я в своем праве. Что в случае с разводом, что в случае с вопросами правового владения имуществом. Хочешь оспорить это? Сходи к поверенным. Они тебе всё объяснят. Всё, что у тебя было на момент бракосочетания, мое. И это не я так решил, если хочешь кого-то обвинить в подлости, можешь направить его высочеству претензионное письмо, где доходчиво объяснишь, какой он нехороший правитель, ущемляет в правах женщин!

— Я схожу к поверенным, даже не сомневайся, милый!

Вскочив с кресла, развернулась и выбежала из кабинета, хорошенько хлопнув дверью.

Злость клокотала во мне и отравляла мысли. А это было опасно. Мне нужно было подумать и решить, что мне делать дальше и как поступить правильно. Злость всегда была плохим советчиком. Как, впрочем, и глупые истерики. Но так как этим вечером я уже ничего не могла сделать, то решила дать себе время, чтобы выпустить боль предательства из сердца. Выплакать, выкричать. Поупиваться несбыточными мечтами о мести. Чтобы на следующее утро иметь возможность действовать, а не лежать на кровати, упиваясь жалостью к себе. На это у меня попросту нет времени!

Всю ночь я рыдала, оплакивая свою жизнь. Как только меня немного отпустила волна злости, так тут же в голову полезли мысли и воспоминания, и я никак не могла понять, как мой милый Виктор может говорить такие ужасные, жестокие вещи? К сожалению, утром оказалось, что это не было сном, и муж действительно ждет, когда я скажу, что готова идти в храм. Ведь у нас времени не так много! Конечно, я ему ничего не стала отвечать, молча вышла из дома и направилась к поверенному, с которым когда-то работал мой отец. Потом посетила храм, следом парочку бывших папиных партнеров.

Что я узнала из всех этих встреч?

Первое: мой муж — бесчестный подлец, так о нем отзывались бывшие партнеры. Они многого не стали говорить. Мне хватило того, что он вел нечестную торговлю и что он действительно может выселить меня из дома моих родителей.

Второе: он скрытный, бесчестный гад! Потому как, по словам поверенного, я имела право не передавать ему полное управление над своим наследством, выходя замуж. Точнее, я могла бы не передавать, если бы мы женились по обычным, современным традициям, а не с помощью старого ритуала, в котором есть строки, имеющие перевод, звучавший примерно так: «Отдаю тебе всю себя и всё, что есть у меня, до последнего дыхания, доверюсь твоей любви». Магии всё равно, что в первую очередь имеются в виду чувства и такие нематериальные вещи, как любовь, душа, жизнь... Всё это меркнет перед словом «всё». Всё так всё — решили какие-то умники и прописали в законе, что, отдавая всё, женщина отдает всё свое имущество, если такое имеется. То есть Виктор даже не озвучил мне другие варианты, а воспользовался моей наивной доверчивостью!

Третье, что мне стало известно про мужа: он излишне жесток. Потому как он и словом не обмолвился вчера, что храмовники, зная все тонкости подобных браков, обязали его выплачивать мне годовое содержание в течение трех лет в размере десяти процентов от его годового дохода. Я знала всю бухгалтерию, и у Виктора не получится не доплатить мне и жалкий медяк. Для того чтобы избежать и такого обмана, мне пришлось сходить в банк и взять выписку по

нашему счету, который скоро станет счетом Виктора. А также узнать, какие еще счета есть у мужа. Оказалось, что действительно есть. Засранец!

Домой я приползла разбитая, раздавленная и в том прекрасном состоянии апатии, которое не давало ни плакать, ни злиться, ни хоть как-то реагировать на любые из вопросов мужа.

Я молча поднялась в нашу спальню и захлопнула за собой дверь, еще и ключ повернула, чтобы супруг не донимал меня своими глупостями.

— Элис, открой дверь! — гремел его голос из коридора.

А я молча скинула платье, сняла сорочку, чулки и подвязки, оставив все вещи на полу, и отправилась в ванную. Мне было о чем подумать. О себе!

Через три дня мы всё же добрались до храма. Процедура — ненавижу это слово! — прошла быстро и почти безболезненно. После чего на моем запястье появился угольно-черный контур бывшей брачной метки. Как низко! Достала из ридикюля мужской шейный платок, один из отцовских, и намотала его на запястье.

— Что за выходки, Элис? Сними это немедленно, выглядит глупо.

— Тебя мой внешний вид больше не касается, Виктор. Поехали в банк. Я хочу сейчас же покончить с формальностями. Счет я себе уже открыла, необходимо, чтобы ты сделал перевод с суммой моего годового содержания. И поверь, я до последнего медяка знаю, какая сумма мне полагается на устройство новой жизни.

Во взгляде теперь уже бывшего мужа полыхнула злость, но он не стал ничего говорить. Ведь рядом стоял храмовник, который проводил ритуал и с которым я разговаривала всего пару дней назад.

Наверное, если бы все эти дни я не бегала по городу, готовясь к огромным изменениям в моей жизни, муж и смог бы обмануть меня в вопросе причитающихся мне денег. Но не сейчас. В банке мы всё сделали быстро, Виктор лишь прошипел, что такой мелочности от меня он не ожидал. Я даже не стала ему отвечать.

— Тебе придется потерпеть меня в доме моих родителей еще одну ночь. Завтра я уеду, — бросила ему на выходе из банка и, не дожидаясь реакции, отправилась к наемному экипажу.

Я бы и эту ночь не осталась, но я дочь торговца, прагматичность у меня в крови. Тратить деньги на номер в гостинице я посчитала глупым. И наверное, меня бы должно было больше задевать всё происходящее, и я, вероятно, должна была бы с большим рвением рыдать над потерянной счастливой и сытой жизнью, но буквально за день до этого я услышала разговор двух фифочек, которые, не замечая меня за их спинами в холле банка, обсуждали, что Виктор Торн, несмотря на наличие постоянной любовницы, которая имела на него свои планы, в последнее время начал активно ухаживать за молодой леди Элспет, леди с такой длинной родословной, какой не каждая породистая лошадь может похвастаться.

Вот так я и узнала, что, во-первых, муж изменял мне. А во-вторых, он имеет вполне определенные планы получить титул, и я ему действительно не нужна. Ни бесплодная, ни, я уверена, имеющая возможность рожать. Меня буквально осенило осознание, что я была лишь ступенькой в плане расчетливого мужчины по достижению им цели в виде безбедной жизни и титула.

На следующий день я купила билет на дилижанс. Самый дешевый, чтобы не тратить лишние деньги, и уже через пять часов покинула родной город, оставляя за спиной и потерянные надежды, и дом родителей, и свою наивность вместе с доверчивостью, и способность верить мужчинам. Что я везла с собой? Дорожный саквояж с тремя сменными платьями, пару удобных башмаков, кроме тех, что были на мне, один теплый плащ, ворох нижнего белья и небольшую шкатулку с мамиными украшениями. Их Виктор не получил бы ни при каких условиях. Также я смогла забрать парочку любимых папиных книг, его портсигар и уверенность, что больше я никогда и никому не буду столь слепо доверять!

Мой путь лежал в Бринхолл, где-то в том далеком небольшом городке когда-то жила моя бабушка, мать отца, она оставила мне свой дом. Это произошло уже после того, как мы с Виктором поженились, и этот дом не попадал под его контроль. Более того, когда-то супруг написал отказную на притязания на это имущество и сказал мне самой разбираться со старой халупой, оставшейся от старухи. Бринхолл был от нас в неделе пути, и ехать туда у мужа не было никакого желания. Да и я, признаться честно, так и не нашла времени съездить в городок и узнать, что же там оставила бабушка. А сейчас я уже вторые сутки трясусь на скамейке дилижанса и смею лишь тихо надеяться, что в том единственном доме, который у меня теперь есть, за три года отсутствия там хозяйки остались хотя бы стены. Совсем хорошо, если там есть еще и крыша. На кровать я даже не рассчитываю!

Задумчиво провела пальцем по кромке рукава на правой руке и мысленно пообещала себе: «Я справлюсь! Я обязательно со всем справлюсь!»

Глава 2

Путешествие было долгим, сложным и изматывающим. Оказывается, я была избалованной. Привыкла ездить с комфортом, и пятидневная тряска на жесткой скамье настроения мне не прибавила. Хотя, с другой стороны, та же тряска неплохо прочищала мозги, заставляя выкинуть из мыслей всё лишнее и сосредоточиться на важном. Например, на том, как на очередном ухабе не упасть в испачканные едой руки моего соседа, любителя колбасок.

Остановки во время путешествия тоже вносили свежую струю в мою новую жизнь. Самые дешевые постоялые дворы. Общие спальни. Сотрясающий стены храп ночами, ранние пробуждения, завтрак, как правило, жидкой кашей или похлебкой, и снова в дилижанс – столько нового и чудесного со мной случилось за эти пять дней!

В Бринхолл я въехала буквально новым человеком!

Особенно новыми для меня были синяки на том месте, которым я сижу. И это тоже неплохо прочищало мысли от грусти, печали и воспоминаний о муже. Виктор предал меня, выкинул, как ненужную зверюшку, из дома моих родителей, использовал в своих целях? Отлично! Главное — купить мазь и залечить синяки на «мадам сижу», остальное излечит время.

Оплакать свою глупость и доверчивость я успела еще дома. А сейчас мне рыдать было некогда. Мне нужно было выжить. Устроиться. Разобраться с тем, где жить, как жить и чем заняться, чтобы начать зарабатывать, потому что я была твердо уверена: последующие два года Виктор мне не переведет деньги, или, если всё же побоится богов, то переведет гораздо меньше, чем должен, а значит, рассчитывать я могла только на себя.

Конечно, я не была железной, и грусть вместе с печалью накатывали на меня, но я старалась, очень-очень старалась не поддаваться им. Наверное, если бы я просто узнала об измене мужа, рыдала бы много дней кряду. Если бы он пришел ко мне и, погладив по голове, сказал бы, что очень хочет детей и, несмотря на наши чувства, нам нужно расстаться, потому что он не видит будущего без детей, я бы сошла с ума от горя. Вероятно, если бы Виктор не показал мне в один день свое настоящее лицо, я бы не нашла в себе сил встать и действовать, а утонула бы в жалости к себе и в воспоминаниях о своей любви. Но муж сделал мне подарок: он сбросил маски и максимально жестоко разбил все мои иллюзии. Оплакивать несостоявшееся счастье с предателем и обманщиком у меня просто не получалось. Да и некогда было.

Так что я могу лишь поблагодарить бывшего мужа за урок и, взяв себя в руки, постараться выжить в мире, где у женщин очень мало прав.

Но пока что у меня получилось лишь взять в руки свой багаж и, прихрамывая, отправиться в ближайшую придорожную таверну.

Бринхолл встретил меня тишиной, спокойствием и лунным серебряным светом. Хотя чего я еще могла ждать в маленьком городке ночью?

Подойдя к дверям, еле успела отскочить в сторону, потому что та распахнулась, выпуская на улицу шум, тепло зала и интересную компанию.

Молодой крепкий парень лет двадцати – двадцати двух, держа за одежду какого-то местного забулдыгу, буквально вынес его из таверны, аккуратно положил на скамью у привязи лошадей, от души хлопнул по плечу и густым баритоном пожелал:

— Пропись сначала, а потом до женщин приставай!

— Замерзнет ведь, — наклонила я голову к плечу, рассматривая молодца с сильными руками.

— Этот? — молодой силач сдержанно пнул по скамье. — Точно нет, леди. Мы от него такой милости не дождемся!

— Вот как?

— Поверьте, мало кто в Бринхолле плакал бы по пьянчуге Хару. А вы...?

— А я только прибыла в ваш славный городок. Ищу место для ночлега и вкусную еду.

— Хах, леди, это вы, конечно, здорово промахнулись. В этой забегаловке можно найти приключение, душевную компанию и неприятности. Кислое вино и изжогу еще, может быть. Но никак не то, что вам нужно.

— Правда? А... — Я растерянно оглянулась. Пыльная дорога змеилась в свете фонарей, висевших у двери таверны, и растворялась в темноте ночи. Куда идти, я не знала. Как добраться до города, тоже.

— Впервые у нас, да?

Парень шагнул ближе, и я поняла, что он не так молод, как мне казалось, просто добродушное выражение лица и густые тени делали его более мягким на вид. А так это был уже мужчина. С хитрыми искорками во взгляде, полными улыбчивыми губами и лихими кудрями на голове. Широченные плечи, крепкие руки и простая, но добротная одежда.

— Да. Впервые. У меня здесь бабушка жила, вот я и...

Я осторожно сделала шаг назад, всё же этот незнакомец хоть и выглядел добрым, но стоять рядом с ним мне было некомфортно.

— Леди, да вы не бойтесь. Я Майк. Меня здесь все знают, и женщин я никогда не обижаю. Тетка научила. Честное слово!

Он так выразительно потер шею, что я невольно улыбнулась. Видимо, его тетя знала, как донести до племянника мудрость поколений.

— Я Элис. Элис То... Монро. Так что, Майк, если по вашим словам в этом трактире мне делать нечего, то куда же мне податься?

— Так к моей тетке и надо идти. Она и накормит, и приютит, и всё про город расскажет.

— К вашей тете? У нее своя гостиница?

— Нет, — мотнул он кудрявой головой.

— Постоялый двор?

— Неа, — широкая улыбка сверкнула в свете фонарей.

— Трактир? Гостевой дом? Приют?

— Да что вы, тетя Марта просто добрая, и после смерти дяди у нее в доме есть пара лишних комнат, а звонкая монета никогда не будет лишней. Так что, леди, проводить вас к ней?

— Я не леди, Майк, — улыбнулась я добряку и уверенно шагнула к дверям. — И, пожалуй, я всё же попытаю счастья здесь.

Осторожно обойдя великана, покрепче перехватила ручку саквояжа и толкнула дверь в таверну.

Стоило сделать пару шагов, как меня оглушило звуками криков, запахом пота и алкогольных паров, шумом потасовки, что бушевала в дальнем углу, и, что удивительно, мелодичным напевом фривольной песенки, которую распевала местная официантка, вытирая грязной тряпкой стол.

Окинув взглядом убранство, контингент, драку при помощи деревянных кружек и крепкого слова, я молча попятилась назад, пока спиной не врезалась во что-то крепкое и, буду честной, горячее. Медленно подняв голову, встретила с насмешливым взглядом Майка.

— Ну что, леди, убедились?

— Да, вы знаете, я тут подумала, что не стоит отказываться от вашего щедрого предложения. Но правда в том, что я понятия не имею, где искать дом вашей тетушки.

— Вон оно как. Так это мы быстро, минутку.

Крепкие руки легли на мои плечи, и по залу таверны пронесся пронзительный свист, заставивший всех замереть на месте.

— Эй, Браул, хватит там бока мять, пойдем, дело есть!

Из кучи мал... в углу вынырнула более молодая копия Майка. Те же кудри, те же смешинки в глазах, те же полные губы. Только на пару лет младше и не настолько заветренная кожа на щеках, да и щетина чуть меньше. А вот волосы, наоборот, немного длиннее.

— Майк, — подошел к нам Браул. — Ты где такую красотку нашел? Ради такого «дела» не жалко и драку бросить!

В таверне грянул гром хохота. Громкого, мерзкого, пошлого и до ужаса смущающего.

— Идиотина, — вздохнув, Майк протянул руку и отвесил крепкий подзатыльник родственнику. — Идем, нам нужно проводить леди до дома тетки!

— А-а-а, тако-о-ое дело!

Взгляд Браула стал печальнее. Искорки смеха чуть погасли, и он рассеянно почесал обласканный затылок.

— Идем, кому говорят. Драку и завтра продолжишь, никуда она не денется.

Развернув меня, Майк толкнул дверь и, положив ладонь между лопаток, вывел в ночь.

— Так, значит, Элис Монро приехала в Бринхолл, ищет место, где можно переночевать и вкусно поужинать. Смекаешь?

— Смекаю, — хмыкнул Майк. — Ты хочешь привести девицу в дом тетушки, а потом будешь удивляться, почему Марта уверена, что ты скоро женишься.

— Молчи, умник, бери сумку леди и пошли домой. Тетка рада будет нас видеть.

Браул подхватил мой саквояж, и мы медленно побрели по дороге. Отчего-то мужчины даже не предложили взять телегу от трактира, а я постеснялась спросить. Меня и так мучали мысли: куда я вляпалась? Действительно ли эти два добряка приведут меня в дом своей тетки или мое путешествие в новую жизнь закончится под ближайшим кустом?

Не знаю. Я была уставшая, измотанная дорогой и противоречивыми эмоциями, страшно хотела есть и отдохнуть. Поэтому сил на страх и сомнение у меня не было, их еле-еле хватало на то, чтобы идти прямо. А еще, отчего-то мне казалось, что эти мужчины в отличие от Виктора меня не обманут. А если и обманут, то мне уже будет всё равно. Потому что приезжую незнакомку в городе никто искать не будет, и логичнее будет меня убить, чем, совершив злодеяние, оставить в живых, чтобы я могла пойти и написать заявление в местное отделение полиции. А если меня убьют, то не всё ли равно, что там будет потом?

Ох. Фатализм никогда не был мне присущ. Но сейчас я была настолько уставшей, что не могла найти в себе ни искры оптимизма.

2.2

— Вы что, ироды, пешком ее вели от остановки дилижанса?

— Ну... да.

Браул втянул голову в плечи и одним шагом оказался за моей спиной, вытеснив оттуда Майка.

— Тетушка, ну где мы тебе карету должны были взять? — возмутился более старший из братьев, как только почувствовал, что встал на линии удара.

— А мозгами пораскинуть вас не научили? Вы посмотрите на гостью, она же шатается от усталости! Балбесы кучерявые!

Я бы улыбнулась. Непременно бы улыбнулась, но у меня и правда не было сил. Я стояла в дверях дома дородной тетушки Марты, как ее называли Майк и Браул, и боролась с желанием уснуть стоя. Косяк вон рядом удобный, крики мне не мешают, ног все равно уже не чувствую. Чем не повод?

Низкий голос Майкла и мягкий, добрый, но с ворчливыми нотками голос Марты и вовсе действовали убаюкивающе, а за спиной уместился Браул – если что, можно падать на него, должен поймать в теории!

Не сдержавшись, зевнула, да так душевно, что это заметили все.

— Ох ты ж Боги, чего ж это я, старая склочница, сама ругаю племяшей, а вы стоите тут уставшая. А ну-ка, мальчики, быстро багаж леди в спальню на втором этаже. И покажите ей, где можно умыться, и приведите на кухню. Я пока на стол накрою.

— Не нужно стол, — потерла я глаза, которые буквально слипались от усталости. — Мне бы освежиться и спать лечь.

— Как это не надо? — громко возмутился Майкл. — Вы ж еще у таверны есть хотели? Что, по дороге пылью наелись?

— Я кому сказала вещи гостью отнести? Кыш! — шикнула на племянника Марта, а сама подхватила меня под руку и мягко повела за собой. — Хорошо, детка, как скажешь, можешь и не есть, но хоть чая глотни. После дороги то самое то. А Браул пока ванную нальет, да Майк постель свежим заправит. А ты ногам дашь отдохнуть, да?

Разве я могла сопротивляться женщине, от которой пахло уютом дома и свежей выпечкой? Нет, конечно.

Вот только поддерживать разговор, как и рассматривать дом, я была не в состоянии. Единственное, что отметил мозг, — безумно вкусный мясной пирог, крепкий и горячий чай, а еще ароматная каша с мясом. Желудок недовольно уркнул, получив за долгие дни приличную еду, а сознание начало стремительно уплывать. В ванной я смогла только полежать пять минут, и то через дверь со мной постоянно говорила Марта, справедливо опасаясь, что я усну.

Как переодевалась и падала на кровать, я и вовсе не помню.

Утро началось в обед, и не из-за того, что кто-то назойливо меня будил. Нет, Марта была настолько деликатной, что дала мне выспаться всласть. Разбудили меня звонкие детские голоса, долетавшие через окно. Ну раз шум улицы стал проникать сквозь сон, то точно выпалась. Поднялась, осмотрела простенькую по обстановке, но безумно уютную комнату, надела одно из платьев и спустилась вниз в поисках хозяйки дома.

Марта нашлась на кухне: возилась с тестом, чему-то улыбалась и нет-нет да кидала взгляды на раскрытое окно.

— Доброго дня, — поздоровалась с женщиной, стоило ей меня заметить.

— А, неожиданная гостья, ну здравствуй.

Мягкая и такая светлая улыбка озарила ее лицо, что я тут же почувствовала себя как дома.

— Вы извините, ваши племянники вчера убедили меня, что вы сдаете комнату. Но если я мешаю, то, конечно, сразу же покину ваш дом, как только мы договоримся о цене ночлега.

— Ой, садись уже за стол, освободит она. Майк мне сказал, что ты в городе в первый раз. Вот куда ты в незнакомом месте собралась?

— Ну, в гостиницу?

— А у меня чем тебе не гостиница? Крыша есть, комнату выделила, кормить обещаю вкусно и сытно. Что еще нужно?

— Ничего, — наконец-то расслабилась и улыбнулась добродушной женщине в ответ.

Марта была вся такая кругленькая. Невысокого роста, с выдающейся грудью, животом и всем, что ниже. Платье при этом ладно подчеркивало ее дородную фигуру. Круглые румяные щеки, на одной из них пятно муки, тонкие улыбчивые губы, чуть крупноватый нос. Морщин почти не было, будто они просто не нашли места на этом лице. А вот волосы щедро тронуты серебром. Интересно, сколько ей? Пятьдесят? Больше? Видно, что женщина была уже в годах, но еще далеко не старушка.

— Вот и чудесно. Так к кому ты приехала в Бринхолл?

— Ни к кому, — улыбка тут же слетела с лица. — К себе я приехала. Года три назад у меня тут бабушка умерла, домик свой оставила в наследство. А добраться сюда всё не получалось. Ну и вот, теперь, видимо, пришло время.

— А бабку твою как звали-то?

— Элспет. Элспет Монро.

— Ого, магина наша! Старую Эл весь городок знал. Она знатные зелья варила на продажу. Так ты ж, значит, тоже из одаренных?

— Нет, — мотнула я головой. — Она по папиной линии. Папа был неодаренным, а через поколение редко когда магия проявляется. Сами знаете.

— Знаю. Да ну, ничего страшного. Подумаешь, магии нет. Большая часть народа без нее живет. И хорошо живет, скажу я тебе. Сытно да ладно. Так что и ты нос не вешай. А дом тебе Эл приличный оставила. Не домишко. В центре городка стоит на Цветочной улице.

— Крепкий?

— Не знаю, Элис. Не скажу. Он давно пустует. Двери заколочены. Внутрь я ж не сунусь. А что там, кто ж тебе сейчас ответит. Стены каменные. А внутри... Может, и разграбили уже всё. А может, и остались кое-какие пожитки. Смотреть, девочка, надо. Смотреть.

— Я вот и хочу прогуляться к нему, посмотреть, что там. Насколько он пригоден для жизни. Скажите, Марта, могу ли я у вас задержаться на какое-то время? Если дом бабушки не пригоден для жизни, то, наверное, на длительное, пока не решу, как устроиться в вашем городке.

— А ты у нас остаться хочешь?

— Мне больше некуда податься, — сказала я тихонько и отвернулась к окну.

Надо отдать Марте должное, в душу лезть она не стала. Только тихонько вздохнула да согласилась.

— Конечно, можешь остаться. О цене мы с тобой договоримся, не переживай, три шкуры драть не стану, но и благотворительностью не занимаюсь, сама понимать должна.

— Это даже не обсуждается. Я не нахлебничать хочу, а найти спокойное место для жизни, пока не устроюсь здесь.

— Ну так считай, нашла уже. Погоди десять минут, сейчас с тестом закончу и накормлю тебя. А до дома твоего дойти не сложно, я потом объясню. Только там на двери замок мотается, ключ-то у тебя хоть есть?

Ключ у меня был. Большой, темный, от навесного замка. Его я получила вместе с уведомлением о наследстве и все эти годы даже не трогала. Зато сейчас он мне определенно пригодится.

После вкусного и сытного обеда я выслушала подробную инструкцию, как добраться до Цветочной улицы и где именно на ней расположено мое имущество. Взяв с собой лишь небольшую сумочку, в которой были припрятаны деньги, я отправилась изучать, с чем же мне придется иметь дело.

Дом и правда был каменным. С виду довольно узкое здание, но зато крепкое. На окнах деревянные щиты. Дверь заколочена крест-накрест, под ручкой висит большой замок. Соседние здания выглядят обжитыми, но от моего наследства так и веет запустением и разрухой. Что ж, посмотрим, что скрывают эти стены.

Подобрав подол платья, подошла к входной двери и с трудом повернула ключ в замке. Дверь открывалась вовнутрь. И стоило ее толкнуть, как она заскрипела, выпуская из недр дома холодный затхлый воздух.

Глава 3

В дом я вошла, поднырнув под доски, прибитые к косякам. В носу тут же засвербило от пыли, и я громко чихнула. Постояв в дверях, постаралась привыкнуть к сумраку в комнате. Из-за щитов на окнах в доме было темно. Лишь редкие тонкие лучи света проникали сквозь щели в грубо сколоченных досках. Явно кто-то торопился запечатать дом. Если это была работа местной власти, то я готова сходить и от всей души поблагодарить их. Потому что в слабом свете я разглядела кое-какую мебель. Вообще, отойдя с дверного прохода, я вдруг поняла, что в комнате светлее, чем мне казалось. Свет с улицы неплохо помогал в этом, если дверь не закрывать. Осмотрела пол с толстым слоем пыли. Удивилась большому пустому залу. Лишь у дальней стены стоял длинный стол, за ним пара стульев. Да вдоль стен стояли шкафы. Больше не было ничего. Вообще. Прошла к одному шкафу. Под ногами перекатился клуб пыли. На полках оказалось пусто, если не считать всё той же пыли. Провела пальцем по поверхности. Хмыкнула неожиданно светлому дереву. Прошла к столу, за ним и правда прятались два стула с высокой спинкой, а еще в кромке стола наличествовала пара ящиков. Судя по замочку на одном из них, здесь бабуля предпочитала хранить что-то важное. Хм.

Еще раз осмотрела комнату и вдруг поняла, что это больше всего напоминает торговый зал. В голове тут же мелькнули слова Марты, что бабуля была магиной и варила зелья. Торговала? У нее было разрешение на торговлю зельями? Жаль, я ее совсем не помню и мы не общались. Сейчас было бы меньше вопросов.

Но как дочь торговца я точно знала, что разрешение на торговлю бывает двух видов. Одно выдается на человека — и тогда он становится официально именно торговцем. А бывает еще разрешение на дом. Точнее сказать, на здание. И тогда любой, кто живет или владеет этим зданием, имеет право что-то производить и продавать результат производства в этом же здании. О-о-о, как интересно. Нужно непременно узнать, какое именно разрешение было у Элспет Монро.

Окинув совершенно другим взглядом помещение, я довольно кивнула своим мыслям — это и правда был торговый зал. Даже все шкафы были расставлены с умом, так, чтобы на них падал свет из окон. Это позволяло бабуле экономить на освещении зала. Повернув голову к двери, заметила, как внизу мелькнуло что-то белое. Мелькнуло и пропало. И мне, конечно, стало интересно, что это может быть. Отправилась к проходу в недра дома и уверенно шагнула в темный пыльный коридор. Ведя рукой вдоль стены, осторожно прошла небольшое помещение и оказалась, кто бы мог подумать, на кухне. Прекрасное помещение. Огромная печь с дымоходом. Верхние полки. Нижние шкафчики. Добротный стол. И большое окно, которое было так же заколочено, как и другие, но и здесь среди досок щитка было достаточно щелей, чтобы редкие солнечные лучи давали немного света. На первый взгляд всё было неплохо. Но стоило приглядеться, стали заметны и дверцы шкафчика, что висели на одной петле. И что печь была заложена кирпичом. И что ножка стола подгнила, а на столешнице под грязью виднелись странные пятна. Что ж, рассчитывать, что пустующий три года дом остался в прекрасном состоянии да еще и с полным набором качественной мебели, было бы глупо. Но потенциал у кухни был прекрасный. Если ее привести в порядок, она станет сердцем дома. Я уже видела, как можно было бы распорядиться этой комнатой. Да что там. Я уже мысленно пила чай за небольшим столиком, расположенным возле окна.

Кстати, интересно, какой вид из него открывается?

Снова на периферии зрения опять что-то мелькнуло. Светлое пятно, которое манило меня, заставляя проявлять любопытство.

Оставив кухню за спиной, шагнула за ту дверь, где меня еще не было. Это оказалась кладовая, но проходная. Вдоль двух стен располагались шкафы с открытыми полками, а на проти-

воположной стене виднелись два прохода. И то разглядеть я их смогла только потому, что они были двумя черными прямоугольными провалами в чуть менее темной комнате. Белый маячок на мгновение выглянул из правого прохода и тут же пропал, заставив меня чертыхнуться. Да что же это такое?! Уверенно пересекла кладовую, заглянула сначала в левый проход, но не увидела вообще ничего: темень была такая, что сразу становилось понятно — ни одного окна в комнате не предусмотрено. А соваться туда без свечи, которой у меня с собой не было, я не собиралась. Пойдя в правый проход, я оказалась в холле. Определенно в холле. И пусть он был небольшим, но именно здесь была лестница на второй этаж. Дверь, судя по всему, на улицу, и, судя по расположению комнат, она выходила на другую сторону дома, не на Цветочную улицу. А еще здесь были вещевой шкаф, изящная вешалка для зонтов и шляп, а также обувные полки. Или мне кажется, или дом перестраивали специально под бабушкины нужды. А может, и сразу строили его вот таким. Немного причудливым. Аккуратная дверка рядом с лестницей вела, судя по всему, в туалетную комнату, но это было лишь мое предположение, потому что тьма там была такой же беспросветной, как и в комнате рядом с проходной кладовой.

Просто я поверить не могла, что у бабули на первом этаже не было удобств: на второй этаж не набегаешься, особенно в торговые часы, да и с возрастом это делать наверняка было тяжело.

Здесь, как и везде, было пыльно, и заметно было увядание. Дверцы шкафа скрипели, на вешалке облез лак, на стене я заметила большое пятно. И мне кажется, здесь когда-то висело зеркало, которого теперь не было и в помине. А еще, что удивительно, на первом этаже, кроме тех двух стульев в торговом зале, больше не было ничего, на что можно было бы присесть. Пуфик, скамья, стульчики, лавки — про софу, диван или еще что-то более комфортное я даже не думаю. И мне интересно, это выбор бабушки или всё же всё более-менее целое попросту вынесли из дома перед тем, как его заколотить?

Лестница выглядела крепкой на первый взгляд, но я долго сомневалась, стоит ли одной подниматься вверх. Но тут из-за перил показался мой белый маячок. Не просто показался, он еще и помельтешил, привлекая к себе внимание, после чего исчез.

Ах так! Со мной кто-то вздумал поиграть?

3.2

Что ж, должна признаться, что азарт и любопытство легко победили осторожность, и я уверенно шагнула на первую ступеньку. Поднималась медленно, всё же желания свернуть себе шею у меня не было. Но ступени выдержали испытание. Да, они поскрипывали, некоторые волнительно прогибались под моим весом, но ни одна не подломилась. Так что на втором этаже я оказалась целой. Здесь был небольшой холл с тремя дверями. Хм.

За первой дверью скрывалась совершенно пустая комната. Средних размеров, имевшая одно окно. В ней не было ничего интересного. Пока.

Вторая дверь вела в спальню. Откуда я это знаю? Здесь на полу лежал матрас, узкий, старый и грязный. А вот каркаса кровати не было. Зато наличествовали ножки от какого-то стула, правда кроме ножек тоже больше ничего не нашлось. Ах да, и еще комод. Небольшой, без двух ящиков из трех. В нижнем комке лежали какие-то тряпки. Разбираться, что это было, я не стала, заглянула за еще одну дверь, увидела, что там скрывается ванная, и закрыла ее. Интересно, это была спальня бабули или нет?

Последняя комната привела меня в целые покои. А вот где хозяйничала Элпет!

Кажется, я попала в небольшую гостиную. По крайней мере, мне так думалось. Мебели здесь не было, за исключением кривого кресла и прожженного в середине ковра, но почему-то я была уверена, что это именно гостиная. Следующая дверь привела меня в спальню. Вот здесь уже стояла кровать. И даже с матрасом. И более того, посреди кровати лежала подушка. А вот на ней уже спал рыжий кот. Он был большой. Довольно упитанный. С совершенно наглой мордой и с одним чуть приоткрытым желтым глазом.

Оглядев его от усов и до хвоста, я тихонько хмыкнула.

— Так это ты провел мне экскурсию по дому?

Кончик хвоста был белоснежным. Хотя и сам кот был хоть и рыж, но довольно полосат: более темные полосы перемежались с нежно-персиковыми. А шикарные длинные бурые усы могли принадлежать только коту королевских кровей.

— Ну и кто же ты такой, красавчик? И как умудряешься попадать в закрытый дом? Да что там дом — я же все комнаты сама открывала, каждую дверь, а ты там уже был.

Второй желтый глаз тоже приоткрылся, кот зыркнул на меня возмущенно, но тут же снова лениво прикрыл глаза и поудобнее устроил голову на подушке.

— Ах, вон оно как. Ты считаешь себя здесь хозяином. — Наплевав на то, насколько грязный был матрас, я аккуратно присела на край кровати и протянула руку к коту. — Согласна, ты здесь живешь дольше, чем я. Вон какое у тебя царское ложе. Но знаешь, этот дом — единственное, что у меня осталось. Если бы не бабушкино наследство, то жить бы мне теперь на улице. Так что нам придется как-то договориться.

Кот снова приоткрыл глаза и внимательно посмотрел на меня.

— Ну что ты так смотришь? Я понимаю, что ты здесь не первый день и считаешь, что дом твой, но мы, люди, привыкли полагаться на документы, и по ним он мой. Хотя я здесь и не была ни разу после смерти бабули Монро, но всё же являюсь хозяйкой.

Кот приподнял голову, чуть потянулся носом ко мне, и когда я, уже обрадованная, что местный хозяин решил пойти на контакт, протянула к нему руку, он звонко по-кошачьи чихнул.

— Ах вот как. Чихать ты хотел на все наши правила, да?

Я звонко рассмеялась.

— Хорошо, мистер. Мы еще с тобой поговорим, а пока я продолжу осмотр дома, если ты не против.

Оставив довольного собой кота, я поднялась и пошла к дверям, которые еще не успела открыть. За одной из них скрывался пусть небольшой, но гардероб. За второй — ванная комната со всем причитающимся. Комнаты были по большей части пустыми. Ну, медная ванна осталась. Только сдастся мне, это из-за того, что ее не смогли спустить. Стояла она всё же неровно. Умывальник был, но он был треснутым. Ширма, которая должна была отгораживать туалет от ванной, отсутствовала, а унитаза как такового не осталось. Только ножка с дырой для канализации и всё. В гардеробе не было зеркала, а полки покосились. В спальне кроме кровати не было ничего.

Сомнений не оставалось — дом разграбили, вынеся всё, что было пригодным для жизни. А почему осталась довольно крепкая кровать в спальне бабули Элспет, осталось для меня загадкой. Хотя, глядя на рыжего хозяина моего наследства, я была рада, что кровать осталась. Уж больно этот мистер кот гармонично смотрелся на ней.

Окинув комнату-спальню в последний раз, пообещала рыжей морде, что обязательно вернусь и принесу ему еды, и ушла из дома.

Сегодня я больше ничего сделать не могла. Мне нужно было решить несколько важных вопросов. Во-первых, появиться в администрации города и заявить права на дом, чтобы, когда начну снимать щиты с окон, местные ответственные жители городка не отвели меня в полицию под присмотром толпы за попытку разграбить чужой дом. Во-вторых, необходимо было найти тех, кто сможет мне отремонтировать дом, при этом не заломив цену. Ну и так, по мелочи: посетить местное отделение банка, оформиться в нем, узнать о разрешении на торговлю на здание, и если его нет или оно было аннулировано, то получить его повторно. Еще неплохо бы было придумать, чем я буду заниматься в этом чудесном городке и стоит ли вообще ввязываться в торговлю. Но здесь было несколько нюансов. Я не умела ничего настолько хорошо, как следить за документами торговой палаты и курировать торговые магазины и лавки. Я не умела ничего из того, что можно было бы использовать как навык в производстве. То есть получить разрешение на торговлю я, по сути, буду на всякий случай. Вдруг пригодится.

На самом деле думать о том, чем я буду зарабатывать себе на жизнь, было чуточку рано. Для этого необходимо было чуть больше узнать про городок и потребности местных жителей. Только потом можно будет принимать какие-то решения.

А вот отремонтировать дом было необходимо.

3.3

Наметив план, прошла немного по Цветочной улице, через пару кварталов увидела торговую лавку, где приобрела кусок мяса и, вернувшись в дом, честно отдала добычу коту. Не знаю, как он к этому отнесется, но я хотела показать, что никто мистера Наглость из дома выгонять не собирается. Нам хватит места в доме. Да и не так скучно будет мне жить, имея рядом милое живое существо.

Тогда я еще не догадывалась, насколько этому коту не подходит эпитет «милый».

Вернувшись в дом к Марте, поднялась к себе в спальню. Привела себя в порядок и спустилась вниз, ища хозяйку дома.

— А, Элис, уже вернулась, — услышала я голос Марты за окном. Выглянув в окно кухни, увидела женщину, стирающую на заднем дворе дома.

— Сейчас я вам помогу, — кивнула на корзину чистого белья и поспешила на помощь.

Я даже на секунду не задумалась, что моя помощь может быть неуместной. Ведь я всего лишь снимаю комнату в этом доме. Но Марта, благослови боги эту добрую женщину, не стала отказываться от помощи. Вместо этого встретила меня с улыбкой, показала, где развесить белье, и тут же поблагодарила.

— Ну, рассказывай, как прогулялась. Что там с домом старой Монро?

Я и рассказала. Пока руки были заняты работой, поделилась всем, что удалось узнать, найти и о чем мне подумалось. Почему-то рядом с Мартой было спокойно. От нее так и пышало добротой, поддержкой и уютом. Сопротивляться такому было невозможно. От нее не хотелось отходить ни на шаг, а разговор лился очень легко.

Как только со стиркой было покончено, мы отправились на кухню. Марта готовила ужин, я помогала по мере сил. Не то чтобы я многое умела в готовке, но справиться с нарезкой овощей мне было по силам. Да и нехитрые блюда я прекрасно умела готовить. Всё же отец хоть и был обеспечен, не очень любил, чтобы дома крутились посторонние люди, поэтому кухарка у нас хоть и была, но приходила несколько дней в неделю, чтобы сделать еды с запасом. Пришлось учиться делать легкие перекусы и так по мелочи.

— Значит, дом пригоден для жизни?

— Он требует ремонта, конечно. Покупки новой мебели. Но да. Стены крепкие, плесени я не увидела, воздух не влажный, скорее всего крыша не протекает.

— И хочешь дело свое открыть?

— Не знаю, госпожа Марта. Для начала я хочу привести в порядок второй этаж, купить мебель в хозяйские комнаты, две другие можно освежить да пока закрыть пустыми. Ну и кухню, конечно. Что делать с торговым залом, нужно будет подумать. Я не бабка, не умею варить зелья. А что продавать — пока не знаю.

— Ты права, нужно все проблемы решать постепенно, и сейчас главное — устроить свой угол. Я бы тоже с этого начала. Когда будет своя крыша над головой, можно будет и подумать, чем заниматься потом. А деньги на ремонт у тебя есть?

— Должно хватить, — кивнула задумчиво. — Я, кстати, у вас хотела спросить: не знаете ли, к кому можно в городе обратиться, чтобы и сделали всё добротно, и по цене без обмана, чтобы договориться? Я же здесь никого не знаю.

— Я подумаю, Элис. Ты же не дом с фундамента поднимать хочешь, тебе просто рукастые мужики нужны и честные.

— Именно. Стены освежить, пол со стенами, да мебель привезти-расставить.

Марта покивала, о чем-то задумавшись. А через пару минут в доме раздался громкий голос Браула.

— Тетушка Марта, мы вернулись, голодные как буйволы!

— Где это ты так проголодаться успел? — ехидненько протянула Марта. — Ты ж вроде в соседнюю деревню катался. Что, по дороге все трактиры закрылись?

— Ну тетя-я, там готовят невкусно!

— Майкл, ты чего младшенького не покормил?

— Сиську кормящую по дороге не нашли, вот и не покормил. — Хохотнул в ответ старший из племянников Марты.

Я, уткнувшись лицом в полотенце, спрятала покрасневшие щеки и рассмеялась. А Марта возмущенно ахнула.

— Охальник! А ну иди сюда, уши драть буду!

— Да за что?

— За язык твой длинный! Иди, кому говорят, и второго, отлученного от сиськи, тащи с собой.

Не выдержав, я рассмеялась, не скрываясь. О боги, это было так грубо. Так... так неприлично! Но так смешно! Подбоченившаяся Марта, сжимающая в руках поварешку, и два кудрявых белокурых великана, которые пришли на кухню и замерли в дверях, увидев меня.

— Тетя, могла бы и предупредить, — возмущенно шепнул Браул, не поднимая взгляда.

— Могла бы, — сказала она в ответ. — Но это было бы и вполровину не так поучительно!

Марта смерила покрасневших племянничков строгим взглядом и, повернувшись ко мне, задорно улыбулась.

— Вот посмотри, Элис. Кажется, я нашла тебе работничков. И сделают всё на совесть, и медяшки лишней не возьмут. А если попросят, то я им эти медяки выдам натурой.

— Какой натурой? — удивленно вскинула брови.

— Такой, обидной и болезненной, пониже спины, которая выдается. Ну так как, согласна дать работу моим мальчикам?

Оценив широкие плечи парней, я уверенно кивнула. Это был замечательный вариант. Силы им двоим хватит справиться с мебелью, а поменять пол на свежий много ума не нужно, только бы руки росли из нужного места. Судя по тому, как Браул орудовал кулаками в придорожном трактире, как пользоваться руками, парни знали. А шуточки их — мне не помеха! Может, наоборот, оно и к лучшему будет: пусть в моей новой жизни буду новая я, и всё будет не похоже на жизнь с Виктором. Кому нужны эти лорды? Обманщики и предатели. Лучше уж пусть будет грубоватый юмор братьев, чем сладкие и лживые улыбки.

Глава 4

Не сказать, что братья обрадовались неожиданно свалившейся на них дополнительной работе. Как выяснилось, Майк уже работал в кузне. Я, правда, не поняла, кем: то ли главным держателем молота, то ли просто по хозяйству помогал, то ли главным грузчиком. Решила, что всё вышеперечисленное и чуточку сверху, потому что такие мужчины часто преуменьшают свои обязанности. Вроде как это всё пустяки. Но, глядя на ширину плеч Майкла, я для себя всё уже решила. А Браул пока перебивался на заказах: то молочнику помочь развести заказы, то в доме вдовы починить пол, то в одном уголке Бринхолла помочь, то в другом подраťся — здесь монетка, там две, вот и весь заработок. Но он возмущенно посмотрел на тетю, которая от их лица уже пообещала мне работников, просто потому что кто-то посмел распоряжаться его временем. В общем-то я понимала мужчин, но так как мне очень нужна была помощь, то решительно задвинула свою совесть в самый дальний и темный угол своей души и, приподняв брови, состроила жалостливое выражение лица и посмотрела на братьев:

— Вы же не откажетесь, правда? Мне больше не к кому обратиться, кроме вас. В городе я больше никого не знаю и опасаясь, что многие торговцы попытаются обмануть в цене просто потому, что я чужая.

Браул тут же расправил плечи и улыбнулся, задорно сверкая глазами:

— Можешь рассчитывать на мою помощь, Элис. Не подведу, вот увидишь!

Марта за спиной племянника только посмеивалась, всё так же сжимая в руках поварешку.

А вот Майк был более опытным. Он покосился на тетюшку, выразительно посмотрел на младшего брата, едва слышно фыркнул и перевел на меня взгляд.

— А вы, леди Элис, — прищурился он, — оказывается, знаете, как убедить наивных мужчин плясать под свою дуду, да?

— Майк! — возмущенно вскинулась тетюшка Марта.

— Что? — посмотрел он на нее. — А то я ни разу не видел, как вот такие молоденькие девицы, хлопая ресничками, заставляют мужиков наизнанку перед ними выворачиваться. Ты глянь на младшенького, по нему же всё видно.

— Майк, — уже без всяких ужимок я спокойно улыбнулась на его возмущение. — Я уже говорила — я не леди. И близко нет.

Встав со своего места, я подошла к великану и смело посмотрела ему в глаза.

— Я дочь торговца, Майк. Мой отец был хорош в своем деле, настолько хорош, что к нему ходили за консультациями, как развивать свое торговое дело. Поэтому я точно знаю, что говорю. Законы рынка таковы, что любой торговец заботится в первую очередь о своей прибыли, а не о том, как сделать клиенту приятно. И мне правда нужна помощь, потому что сбыть лежалый товар с рук, накинуть пару монет к цене, потопить в глазах покупателя своего конкурента — это нормальная практика, особенно если речь идет о чужаке в небольшом городке.

— А просто попросить помощи, без ваших вот этих приемчиков, нельзя? — справедливо высказался Майк.

— Хорошо, большой и серьезный мужчина, больше ни одной шутки в твоём присутствии.

Приподняв подол, выполнила глубокий реверанс и с гордо поднятой головой вышла из комнаты. Я, конечно, не леди, но бывший муж у меня из лордов. И как держать себя в присутствии напыщенных индюков, я знала прекрасно. Вот только жаль, что так пришлось себя вести в этом доме, но и быть девочкой для битья я не хочу.

Стоило мне выйти из кухни, как тут же за спиной раздалось возмущенное ворчание Браула:

— Ну и чего ты устроил, умник?

Шаг произвольно замедлился. Ну любопытно же!

— Спасал тебя от манипуляций, — так же тихо и не менее возмущенно прозвучало в ответ.

— От каких? От просьбы о помощи? Майк, ты вроде умный, но такой дурак! У меня работы сейчас нет, ты думаешь, я откажусь от пары звонких монет?

— Зато у меня работа есть, и...

— И мистер Роуф слег с бронхитом, а потому у тебя две недели перерыва в работе как минимум, — проворчала Марта. — Но, Майк, если ты не хочешь работать с госпожой Элис, нужно было просто сказать. Девочка ушла из комнаты, даже не поев. А ее весь день дома не было. И не стыдно тебе?

— Мне? А ничего, что мы ее совсем не знаем? А вы в споре принимаете не мою сторону, а защищаете эту леди?

— А когда ты вчера ночью тащил незнакомку пешком через весь город в мой дом, ты не подумал о том, что она может оказаться кем угодно? Нет? И когда уходил сегодня утром из дома вместе с братом, оставляя меня наедине с ней, тоже не думал? А теперь что — работу ему предложили!

— Может, она и платить-то не сможет, чего вы...

— Ты совсем дурак, да?

Браул, тяжело вздохнув, вдруг громко крикнул:

— Госпожа Элис, вернитесь на кухню, будьте добры. Всё равно ваши ботиночки не стучали по полу уже очень давно.

И что-то мне так стыдно стало. Прямо мучительно стыдно, и щеки тут же опалило жаром. Но в кухню я вернулась. Потому что все они были правы. Я ничего не знала про эту семью, как и они про меня, а это не дело. Если я буду какое-то время жить у Марты и ее племянники будут работать на меня, то нам стоит чуть ближе познакомиться.

— Элис? — Марта выглянула из кухни и, увидев мое покрасневшее лицо, всплеснула руками. — Деточка, ну ты еще ближе бы встала и слушала, кто ж так делает? Вон до поворота в коридор два шага. Тебя что, в детстве не научили, как надо делать?

— Ч-что?

— Ох ты ж горюшко неопытное. Пойдем ужинать. Заодно и расскажешь мальчикам моим, какую работу ты можешь предложить, а они пусть сами решают, справятся ли с задачей и смогут ли тебе помочь.

При последних словах в глазах хозяйки дома сверкнула добрая толика лукавства, а из кухни донесся бубнеж. Кажется, слова тетки попали в большую мозоль мужского эго. Как же, как же.

Разговор за ужином протекал легко. Несмотря на то что в первые минуты после моего возвращения лиц, окрашенных краской смущения, в одной комнате было целых три, нам не помешало быстро преодолеть неловкость. Браул, как и тетка, поинтересовался, кто ж меня так подслушивать учил, а когда я призналась, что никто, и в семье я была один ребенок, он пообещал заняться моим воспитанием. Майк извинился за свое поведение, я ответила тем же. А потом поведала краткую историю того, как я оказалась в Бринхолле. Да, сирота. Дочь торговца, росла и училась вести дела отца. Была замужем. Теперь уже нет. В столице не могла остаться, слишком сложно там находиться. Уехала в Бринхолл, потому что здесь когда-то жила бабка и от нее остался дом, который имеет крепкие стены и весьма ветхое и запущенное состояние внутри.

От Марты я узнала историю семейства Таффрайт. Братья остались без родителей в одночасье, когда экипаж, в котором ехали молодые супруги, перевернулся на размытой дождем дороге. Перевернулся и улетел с обрыва. Возможности выжить не было ни единой. И так Марта в тридцать лет осталась с двумя малышами на руках.

4.2

— Муж мой, Билли, ох и любил этих сорванцов. У нас своих-то детей не было, а тут сразу двое. Сначала все грустные ходили, да это и понятно. А потом ничего, как-то склеилась у нас семья, выросли. Билли только вот ушел рано. В один день сгорел: температура поднялась, думали просто простуда. Ночью жар и бред. А утром его уже и не стало. Так и не узнали, что это было. Вот и остались мы с племянниками одни. Но они у меня молодцы. Взрослые уже. Работы не бояться, голова на плечах есть. Вот женятся, сделают меня бабушкой, и совсем хорошо будет.

Умные и работающие сверкали глазами и улыбались, но с теткой не спорили. Хотя я готова биться об заклад — никаких свадеб ни один из братьев не планировал в ближайшие годы.

После моего рассказа о доме и необходимом ремонте разговор как-то сам перешел в более деловое русло. Все чаще стали звучать имена: плотника, кожевенных дел мастера, мебельщика. Где взять материалы, кого можно позвать в помощники на сложные и объемные работы. А уж как мы об оплате спорили, ммм, отец бы оценил! В свою комнату я возвращалась с улыбкой на губах. Если цены на материал будут хотя бы примерно такими, как говорят братья, то я смогу отремонтировать дом и даже еще останутся деньги в запасе на примерно год спокойной жизни в режиме экономии, или на полгода без того, чтобы себя ущемлять в разумных тратах.

Приняв ванну, я легла на кровать и довольно потянулась перед тем, как обнять подушку и уснуть сном младенца.

Со следующего дня работа закипела.

Майк объявил, что у него есть всего неделя на нормальную работу, а потом нужно будет больше времени уделять кузне. Поэтому раскачиваться некогда.

Утром, едва успев позавтракать, мы вышли из дома и поехали в лавку плотника.

Господин Руфта, мужчина с паутинкой морщинок вокруг глаз и добродушной улыбкой, имел крепкую деловую хватку. Сложив пухлые руки на внушительном животе, он кивал на каждое слово Майкла, пока тот знакомил нас и объяснял, что я хочу купить, а потом вступил в игру.

Долго водил по складу дерева, показывал доски, бревна, рейки и прочие материалы сомнительного качества, а когда я остановилась рядом с сучковатой доской, рассматривая ее со скепсисом, делано всплеснул руками.

— Мисс Элис, вас что-то не устраивает?

— Паршивое качество ее не устраивает, — с вызовом ответил Майкл, вставая у меня за спиной. — Когда это ты начал такое дерьмо предлагать людям?

— В каком это смысле дерьмо? Ты сказал, что девушка хочет дерево подешевле, ну так вот лучшее, что я могу предложить!

— Из худшего, судя по всему, не так ли?

Признаться, меня задело такое показушное поведение. Я знаю, что торговцы — народ с хрупкой душевной организацией, и Майк, наверное, зря всего два раза похвалил товар мистера Руфта, нужно было сделать это раз в пять не меньше.

Пренебрежительно посмотрев на доску, развернулась и, вздернув нос, сказала Майку:

— Покупать дерево мы будем у другого мастера.

— Дорогуша, вряд ли у вас это получится, ведь я единственный плотник в городке.

— Как хорошо, что в нашем королевстве Бринхолл — это не единственный городок. Пойдем, Майк. Мне здесь делать нечего.

— Элис, ты уверена? — спросил меня белокурый великан, как только мы вернулись к телеге.

— Абсолютно. Никогда не позволяй торговцам оскорблять тебя, Майкл. Этот ваш мистер еще не знает, с кем связался. Но как только я освоюсь в Бринхолле, обязательно найду способ ответить любезностью.

— Элис, но ты понимаешь, что ехать в другой город за деревом будет дорого?

— Я понимаю, что если сейчас куплю товар у этого торгаша, то потеряю те крупницы самоуважения, которые у меня еще остались.

Дерево мы нашли благодаря Браулу. Как только он узнал, с какой проблемой я столкнулась, так сразу предложил выход:

— Надо обратиться к Гектору. Он точно не обманет.

— Гектор? — нахмурился Майкл. — Это кто такой?

— Ммм, братец, боюсь, ты его плохо знаешь. Но мы не единожды дрались в таверне на станции, так что в Гекторе я уверен. Надежный малый!

Я слушала этот разговор с все возрастающим удивлением. Даже потом тихонько спросила у Марты:

— А что надежность делового партнера можно выяснить в драке?

Марта, добрейшая женщина, посмотрела на меня как на глупого несмышленика, провела по голове ласковой рукой и важно кивнула.

— Конечно, можно. Только после драки видно истинное лицо человека. Жесток ли он, злобен, мстителен. Способен ли ударить в спину, готов ли к предательству. Если Браул говорит, что не раз они с этим парнем мяли друг друга бока, и утверждает, что на него можно положиться, то, значит, так оно и есть.

Я согласно покивала, давая понять, что услышала эту точку зрения, а сама представила себе, как захожу в любой магазин и, прежде чем что-то купить у незнакомого торговца, начинаю драку. Закатываю рукава, закусываю кончик косы, чтобы не мешалась, и в рукопашную...

Мне пришлось даже зажмуриться, чтобы выкинуть из головы нелепую картину. Нет, кажется, это не мой метод.

Но к моему огромному удивлению, Браул оказался прав, и Гектор действительно не подвел. Свел нас со своим дядей, который недалеко от Бринхолла занимался плотницким делом, заготавливал дерево и всякие изделия из него, а продавал на ярмарках в других городах. Из разговора я поняла, что этот пухленький и кругленький Руфта попросту не пускает в город конкурентов и не гнушается подлыми приемщиками.

С мистером Хартом мы быстро ударили по рукам. Он же подсказал, к кому можно обратиться за покупкой мебели, если мне, конечно, подойдут крепкие добротные изделия, но без вычурности. До вычурности мне было думать рано. Кровать, шкафы, тумбы — я как-то обойдусь без изящных ножек, главное, чтобы всё это благолепие не разваливалось через пару месяцев.

А к господину Руфте у меня появились еще некоторые вопросы, и в голове уже зрел план, как этого заносчивого толстячка, такого доброго с виду и такого гнилого внутри, проучить. Ох, Бринхолл, дай только закрепиться здесь. Уж я суну нос в торговые дела городка!

Глава 5

После того как материалы были получены, ремонт пошёл ударными темпами. Братья активно старались делать всё качественно.

Вечерами мы обсуждали, как будет выглядеть мой дом. Днём Браул командовал Майком так, как я даже себе не могла представить.

— Эй, старший, иди сюда, — кричал он из комнаты, удерживая в зубах гвозди, в одной руке — молоток, в другой — доску, при этом стоя одной ногой на шатком стуле и цепляясь второй за ручку ведра, в котором хранились инструменты.

— Не могу, — стонал Майк в ответ, сгибаясь под весом досок, которые он тащил на второй этаж.

И таких акробатических трюков за день происходило штук по пять, если не больше. Мне оставалось только относиться ко всему с юмором, потому что то, как протекал ремонт, от меня не зависело.

Посоветовавшись и, конечно же, исключив меня из этого совета, братья решили начать с верхнего этажа: по их мнению, в первую очередь мне было необходимо помещение, в котором я буду жить, а торговый зал можно оставить и на потом, когда я решу, что с ним делать. Не то чтобы я была не согласна с таким выбором, но это своеволие одновременно и смешило, и раздражало.

Спальня очень быстро превратилась в уютную комнату. Сначала братья содрали со стен старые, местами вздувшиеся панели, вынесли развалившийся комод, старую кровать и рванный матрас. Мистер Пушистая Морда был в ярости. Ещё бы, его уютный уголок был разрушен какими-то жалкими людишками, которые посмели заявиться к коту в дом и всё испортить. Я не один день задабривала рыжего жителя, прежде чем он перестал при каждом удобном случае цеплять когтями щиколотки моих замечательных помощников или ронять всё, что мог уронить. Тоже случайно. Просто кость у него пушистая, а наглости на троих хватило бы.

После того как всё непригодное для жилья было оторвано, вынесено и выброшено, Майк с Браулом заделали щели в полу, заменили несколько особенно скрипучих досок и покрыли дерево светлым маслом. В результате у меня появился чудесный светлый пол с чистой древесной фактурой. А комната наполнилась тёплым ароматом масла. Видя такие перемены, мне хотелось, как маленькой девочке, прыгать на месте и хлопать в ладоши. Но я же была серьёзная, важная работодательница. Так что пришлось лишь кивнуть парням, принимая их работу, и счастливо, от всей души улыбнуться.

Потолок в спальне выбелили заново, а стены обили новыми панелями с лёгким цветочным узором. Я бы, наверное, выбрала что-нибудь попроще, но, если отбросить мысли о сэкономленной паре-тройке золотых, на самом деле мне всё нравилось. Да, деньги имели свойство заканчиваться. Конечно, я могла бы быть более бережливой и не тратить лишние монеты на узор. Но братья тоже были правы — я ремонтировала дом для себя. И мне здесь предстояло жить не один месяц.

Это было не временное пристанище. Это было место, где я буду строить свою новую жизнь. И, положив руку на сердце, должна была признать, что неотёсанные грубые рейки на стенах удручали бы меня гораздо больше, чем потраченные деньги на обустройство уютной комнаты.

Окно тоже привели в порядок: подлатали раму, заменили треснувшее стекло и повесили плотные светлые занавески. У стены появилась широкая кровать с новым упругим матрасом. Не роскошная, конечно, но, если сравнить с той развалюхой, что так любил рыжий кот, — почти королевское ложе. На пол лёг небольшой ковёр, чтобы по утрам мне не приходилось ступать босыми ногами на прохладный пол.

Рядом с кроватью поставили крепкий комод, небольшой туалетный столик с зеркалом встал с другой стороны, а ещё появилось кресло, которое заняло своё место у окна. Последнее я сначала посчитала лишней тратой, но братья настояли, даже смогли поторговаться на неплохую скидку, и спорить мне расхотелось. А уж после того, как кот с довольным мявом запрыгнул на кресло и обмурлыкал мягкое сиденье, я и вовсе решила: очень выгодное приобретение. Необходимое в моём доме!

В итоге всего за три дня у меня уже была своя обставленная спальня. Правда, в остальном доме всё ещё была полная разруха, и ремонт шёл полным ходом, но первая комната уже была завершена. В коридоре второго этажа пол зиял дырами, стены ждали своей очереди, а на потолке сохла побелка. Предстояло сделать ещё многое, но я уже начала называть это место своим домом.

Хотя жить я продолжала у тётушки Марты.

— Как мои охламоны? — спрашивала меня Марта вечерами, когда мы сидели на кухне и готовили ужин или, после того как все уже поели, уходили вдвоём в комнату, чтобы посплетничать о прошедшем дне.

— Хорошо, — отвечала я, тихо усмехаясь и вспоминая, как проходил наш шумный день за ремонтom моего дома: шутки братьев, собственный смех, проказы пушистого хозяина дома.

Кота с лёгкой руки Майка в итоге назвали Мистером Пушириусом, потому что это был очень важный кот. Браул возмущался: ему больше нравился вариант «Мистер Длинный Коготь». Но, глядя в эти прекрасные жёлтые глаза, на длинные белые усы, горделивую осанку и высокомерный взгляд, я не могла назвать кота иначе, кроме как Мистером Пушириусом.

Я бы вообще причислила его к особам королевских кровей, но решила всё же не стоит. Мало ли какие сплетни могут пойти.

Пушириус был необычным котом, но об этом я узнала намного позже. Сейчас же я воспринимала его лишь как обнаглевшего представителя кошачьих, которого мне было банально жаль выгонять на улицу, лишая единственного дома и быть той злодейкой, которая ночами не могла бы спать, думая, как там бедный котик: не помирал ли он с голоду?

С Мартой у нас сложились прекрасные отношения. Она постепенно знакомила меня с небольшим городком, вводила в общество Бринхолла, давала дельные советы и, самое главное, не лезла в душу. Если Марта видела, что я не готова отвечать на какие-то вопросы о своём прошлом, то сразу переключала тему.

В свою очередь, я старалась поступать так же. И всего за неделю мы многое узнали друг о друге.

5.2

Она рассказала о том, каким прекрасным был её муж, об их истории любви, смешных случаях из семейной жизни, о том, как они растили мальчишек, как вкладывали в них душу и сердце. А ещё о том, как её супруг нередко шутил, что, к сожалению, мозг в них вложить так и не получилось.

Я смеялась и говорила, что он заблуждался, потому что парни у них получились на редкость замечательными. Они были добрыми, внимательными и не могли пройти мимо девушки, которой требовалась помощь. С удовольствием, хотя, может, и без удовольствия, но всё же помогали мне, откликались на любые просьбы, и это было очень ценно.

После моего брака, после того опыта, который я получила, я буквально оттаивала в лучах добра, исходивших от семьи тётушки Марты. И за это была ей очень благодарна.

Я, в свою очередь, рассказала краткую историю своей жизни: о том, как осталась сиротой и какими были мои отношения с папой. Много рассказывала про маму, но мои детские воспоминания, конечно, не были отражением всей правды. Я могла рассказать только то, что помнила.

Рассказывала, как папа погрузился в траур после смерти супруги, как я училась вести его дела, как он занимался со мной счетами, сидя над бухгалтерскими книгами, как мы любили друг друга и как я осталась в этом мире одна.

Ещё рассказала, что у меня был жених и что мы расстались, так и не поженившись. К сожалению, раскрыть, что муж выгнал меня из дома, рассказать, какой глупой и доверчивой я была, какой душой себя показала, как потеряла наследство родителей, о том, как меня провели, обманули и предали, я не смогла.

Не смогла рассказать и о том, что меня обвинили в неспособности иметь детей, хотя это было моё самое большое, самое заветное желание. Счастливая семья, любящий и любимый муж и парочка деток. Мальчики или девочки — мне было неважно. Главное, чтобы это были мои дети. Дети, с которыми я могла бы делиться своей любовью, для которых в моём сердце было столько нерастратченного тепла и доброты. Всего того, что не пригодилось никому.

Мне было стыдно. Стыдно признаться, что теперь на моей руке было клеймо позора брошенной женщины. Поэтому я ходила в платьях с длинными рукавами, а если надевала что-то с короткими, то обязательно повязывала на руку шейный платок отца.

Марта, конечно же, не могла не заметить странное украшение. Именно в вопрос о нём, собственно, и вылился разговор о моём прошлом и родителях. Я объяснила, что ношу платок как память об отце. Марта смогла это принять. Да и мне так было спокойнее.

За неделю, что длился ремонт, я узнала, что из себя представлял Бринхолл, и немного познакомилась с соседями. Недалеко от моего дома располагалось несколько магазинов: швейная мастерская, магазин готового платья и прекрасная мясная лавка, где я с удовольствием покупала колбасы для перекусов или свежее мясо для ужина, чтобы приготовить его вместе с Мартой.

Ещё я познакомилась с прекрасной женщиной-цветочницей. Она выращивала в своём саду замечательные цветы и каждый день продавала их из телеги.

Я полюбила гулять по Бринхоллу вечерами, после того как мы заканчивали работу с Майком и Браулом и закрывали дверь дома. Они уходили по своим важным мужским делам.

А я шла гулять по тихим улочкам, всматривалась в лица людей и представляла себе, как здесь жила моя бабушка. Постепенно я знакомилась с новым для себя местом.

Мне нравилось, как начиналась моя новая жизнь. Конечно, многое приходилось держать в себе, но с каждым днём мне дышалось всё легче. Боль отпускала, а чувство безысходности и предательства постепенно уходило на задний план.

Если быть честной с самой собой, мужа я тоже вспоминала с каждым днём всё реже и реже. Мне было просто не до него.

Да и кто бы смог предаваться унынию, вспоминать обиды и переживать свои печали, когда рядом были Браул с Майком? Ребята оказались невероятно жизнерадостными. Не знаю, то ли мне так повезло, то ли они просто сами по себе были добродушными, шутливыми и смешливыми, всегда готовыми улыбнуться. И добрыми... Хотя иногда и не очень — особенно когда дело касалось шуток.

— Вот доделаем ремонт, — говорил Майк в один из дней, уверенно стуча молотком, — и займёмся устройством твоей личной жизни.

Он повернулся ко мне, сверкнул светлыми глазами, насмешливо улыбнулся, искривив уголок губ, и подмигнул.

А я в ответ лишь фыркнула и закатила глаза к потолку, где обнаружила очередное пятно. Хорошо, что это была кухня и до ремонта потолка здесь мы ещё не добрались.

— Какая ещё личная жизнь, Майк? О чём ты? Мне сейчас не до этого. Мне нужно устроиться, привыкнуть к новому месту и, в конце концов, найти себе занятие.

Я сидела на столе, куда братья посадили меня, строго наказав не шевелиться. На полу зияли дыры, оставшиеся после того, как они содрали старое покрытие, а из стен местами торчали гвозди: Браул со всей своей удалью лихо отдирали нижние панели.

Дверного косяка и вовсе не было. Дверь прогнила, поэтому её пришлось снять. Естественно, теперь требовалось заменить и её.

— Леди не следует заниматься тяжёлой работой, — занудным голосом сообщил мне старший из братьев, когда я предложила свою помощь.

Я уже даже перестала обращать внимание на то, что они до сих пор обращались ко мне «леди». Спорить и отрицать я устала.

Леди так леди.

В конце концов, я не один год была замужем за самым настоящим лордом. Чтоб ему там икалось!

Тема моей личной жизни не отпускала братьев ни на день. Причём моего мнения они даже не спрашивали, а просто рассуждали между собой.

— Придумал! — восклицал Браул, когда ему в голову приходила очередная идея. — Может, её с Томом-кровельщиком познакомить?

— Ты что, с ума сошёл? — тут же возмущался Майк. — Он же старик!

— Почему старик? Мужчине всего сорок пять.

— Да у него же дети, проблемная бывшая теща, которая никак не хочет уезжать из его дома. Её сын, который почему-то тоже переехал к кровельщику. И ещё пара племянников, — гневно ругался Майк.

— Ну и что? Зато мужик хороший, — пожимал в ответ плечами Браул.

— Браул, иди лучше займись своим делом, — фыркал старшенький, а потом шёпотом сообщал мне, чтобы я даже не думала о вдовцах. — Никаких вдовцов тебе не нужно. Я не допущу такой оплошности. Таких знакомств у нас не будет.

У кого это «у нас», я предпочитала не уточнять. Пусть развлекаются.

5.3

Иногда Майк вспоминал имена своих друзей. Кто-то из них жил в городе, кто-то — за его пределами, а кто-то лишь время от времени приезжал сюда. Одни работали в богатых поместьях, которых, как оказалось, вокруг Бринхолла было немало. Другие же уехали на заработки в столицу, потому что считали, что в этом маленьком, славном и уютном городке им больше нечего делать.

И каждое предложение Майка, конечно же, встречало бурное сопротивление со стороны Браула.

Я не вмешивалась в эти споры. Во-первых, мне нечего было сказать ни по одной предложенной и тут же отвергнутой кандидатуре. А во-вторых, никто и ни за что не заставил бы меня устраивать личную жизнь по чужой указке.

Я сама однажды уже плохо с этим справилась. Доверять выбор спутника жизни малознакомым молодым обалдуям и вовсе было бы с моей стороны глупостью. Хотя, возможно, эти добрые великаны справились бы гораздо лучше, чем наивная и доверчивая я.

Вообще, за время ремонта и проживания в доме тётушки Марты я сроднилась с этой семьёй. Обожала спускаться утром на кухню и видеть её румяное лицо. Уже не представляла, как буду жить без сумасшедше аппетитных ароматов, наполнявших дом, без глубокого голоса Майка и добродушного подтрунивания Браула.

Не знала, как привыкну одна спать в собственном доме, и тихо радовалась, что теперь у меня был Мистер Пушириус. Всё-таки вдвоём не так страшно.

А ремонт продолжался, время летело.

Второй этаж уже был закончен. Я стала обладательницей шикарной ванной комнаты, добротной и удобной мебели, светлых стен и лёгких занавесок. Мне нравилось, как всё получалось. И пусть мебели пока было мало — по большому счёту толково обставили только мою спальню, — дом с каждым днём становился всё уютнее.

Он словно сбрасывал с себя пыль прожитых в одиночестве лет, тоску и скрип забвения. Становился чище, теплее и живее. Будто постепенно вспоминал, каково это — иметь хозяйку.

Входная дверь больше не скрипела, когда её открывали. Ставни перестали хлопать от каждого сквозняка и больше не угрожали обрушиться на голову тому, кто осмелится пройти мимо окна. В доме уже не чувствовались запустение и холод заброшенного места. Он изменился, стал лучше, и мне всё сильнее хотелось перебраться сюда.

Но пока я не решалась.

На кухне ещё шёл ремонт, готовить там было невозможно, а значит, жить самостоятельно тоже пока не получалось. Да и, если честно, одна мысль о том, что вскоре мне придётся остаться в этом большом доме без Марты, Майка и Браула, заставляла нервно ёжиться.

Но всё шло замечательно.

Мы работали вместе, и я наконец могла принимать участие в ремонте. Как сказал Браул, пришло время моей женской ответственности. Поэтому я расставляла небольшие вазочки, купленные в посудной лавке, упаковывала тарелки, кастрюли, сковороды и прочую утварь, которой пока было негде пользоваться, выбирала ковры и с любовью развешивала занавески.

Я была занята приятными хлопотами и совершенно не думала, что вот-вот грянет гром.

Но, как это часто бывает, когда меньше всего ждёшь неприятностей, именно тогда они и стучатся в твою дверь.

Мои начались со слов Майка:

— Элис, нам надо поговорить.

Я чуть не подавилась супом. Я прекрасно знала, что означала эта фраза, если её произносил мой муж. В голове тут же начинался перебор собственных проступков: что я забыла, чего не сделала и чем могла вызвать недовольство Виктора.

Но Майку-то я чем обязана?

Кое-как проглотив ложку горячего наваристого бульона и откашлявшись, я подняла недоумённый взгляд на старшего из братьев.

— Нам? Нам с тобой?

— Нет, Элис, — ответил он, строго сведя брови. — Нам всем нужно поговорить. Предлагаю после ужина собраться в гостиной. У меня есть пара вопросов к тебе.

Признаться честно, мне стало неуютно. Вроде бы Майк был младше меня на несколько лет, но сейчас я почувствовала себя маленькой девочкой, которая что-то успела натворить и теперь вот-вот должна была выслушивать нравоучения от взрослых.

Я перевела беспомощный непонимающий взгляд на Марту и увидела на её лице такое же удивление. Оно буквально отражало мои собственные чувства.

Посмотрела на Браула, но по его виду ничего понять не смогла: он, опустив взгляд, молча поглощал еду.

Вытянуть из Майка что-нибудь ещё мне не удалось, поэтому я отбросила тревожные мысли и вернулась к ужину.

Поговорить так поговорить. Хорошо. Почему бы и нет?

Примерно через полчаса мы все собрались в гостиной. Я заняла своё место в кресле и под строгим взглядом Майка даже немного поёрзала от нетерпения.

— Ну что? — спросила я. — О чём пойдёт речь?

Майк, как самый старший мужчина в доме, сложил руки на груди и, окинув нас серьёзным взглядом, заговорил:

— Элис, сегодня, когда мы занимались сменой полок в торговом зале, я заметил, что твой шейный платок, который ты любишь носить, задрался.

Его слова заставили меня вздрогнуть.

Задрался? Это могло означать только одно: Майк увидел брачную метку. Мерзкий чёрный контур — метку моего позора.

— И... что именно ты увидел? — осторожно спросила я, с тревогой глядя на братьев.

— Это не первый раз, когда я замечаю тёмные линии на твоём запястье. Но, если честно, молчать больше не могу. Ты не хочешь нам ничего рассказать? Мы не откажем в помощи, но, может быть, тебе стоит поделиться какой-то информацией. Возможно, нам нужно быть готовыми к появлению твоего брошенного супруга?

— Брошенного?

Я резко поднялась на ноги, а рука непроизвольно легла на горло. Вдруг появилось ощущение, что я задыхаюсь.

— Брошенного? Ты хоть понимаешь, о чём говоришь? Брошенный муж...

Судорожно вздохнув, я постаралась взять себя в руки. Кричать, топтать ногами и закатывать истерику сейчас было ни к чему. Да и не было в словах Майка ничего, что действительно могло бы меня обидеть. Он просто неверно истолковал увиденное.

Надо отдать ему должное: если он замечал мою метку не в первый раз, то проявил немало терпения, прежде чем наконец задать этот вопрос.

И, чёрт возьми, он был прав. Я должна была им рассказать!

5.4

Конечно, я не верила, что Виктор приедет в Бринхолл, и уж тем более не думала, что он начнёт что-то требовать от меня или от людей, которые меня окружали. Он давно забыл обо мне, забрал все мои деньги, получил всё, что хотел, и вычеркнул меня из своей жизни.

Но люди, заменившие мне семью, люди, которые так мне помогали и приняли в свой дом, заслуживали честности.

Поэтому я похолодевшими пальцами, которые отказывались нормально слушаться, принялась развязывать узел проклятого шейного платка. Старательно, дрожащей рукой, я распускала его, чтобы показать им всю свою боль, весь тот опыт, который остался от прошлой жизни.

Чёрную, словно клякса, брачную метку.

Такой красивый ритуал. Такие громкие обещания. И такой позорный финал.

Наконец я сняла платок.

— Вот. Посмотрите. Да, это она — брачная метка. Но не я бросала своего мужа. Я никого не обманывала. Это меня бросили. Меня, понимаете? Я всю жизнь была любимым, залюбленным и обласканным ребёнком. Никогда не сталкивалась с подобным предательством. Верила людям. Всегда верила. Верила, что у меня самый лучший, самый любящий муж. Верила, что наш брак счастливый и что любые трудности мы сможем преодолеть вместе. А оказалось, что два года, в течение которых я не могла забеременеть, были для него проблемой. Оказалось, что этот брак нужен был только мне, а ему, этому проклятому предателю, требовались лишь деньги моей семьи.

Слёзы — горькие, так долго сдерживаемые слёзы — вдруг потекли по моим щекам.

Я, некрасиво всхлипывая, шмыгая носом, задыхаясь и захлёбываясь рыданиями, наконец смогла рассказать правду. Всю правду своей замужней жизни.

Когда Марта принесла мне воды, Браул обнял меня за плечи, успокаивая, а Майк сел на пол у моих ног и с тревогой посмотрел в моё покрасневшее от слёз лицо, я наконец смогла расслабиться.

Выговорившись и рассказав всё, что со мной произошло, я будто отпустила свою боль. И мне стало легче.

Увидев, что я немного успокоилась, Браул поднял руку и сжал своей широкой ладонью мои тонкие дрожащие пальцы.

— И чего ты ревёшь? Говно он, а не мужик, — простодушно и прямолинейно высказал он своё мнение.

— Браул! — ахнула Марта, укоризненно покачав головой.

— А что Браул? — заворчал младший из братьев. — Я что, не прав?

— Не прав, — тяжело вздохнул Майк. — Говно оно и есть говно. Другим не бывает.

— А этот так и вовсе притворщик, обманщик, предатель и лжец, — продолжил Браул, с каждым словом подбирая для моего бывшего мужа всё новые нелюбимые определения. — Так чем лучше унитазного наполнителя?

— Элис, прости, пожалуйста, — вмешался Майк. — Ты правильно сделала, что уехала. И к чёрту его. Не нужен он тебе. А я не имел права лезть. Но и не спросить не мог, понимаешь?

Майк распалялся с каждым словом, ругая Виктора и подбадривая меня.

— Бросил? Да скатертью ему дорога. Деньги забрал? Ты не переживай, Элис. Ты умная и хваткая. Захочешь — у тебя их ещё больше будет. А если нужда прижмёт, то ты и своё вернёшь.

Он сжал губы и посмотрел на меня с такой уверенностью, будто уже видел, как я возвращаю себе всё до последней монеты.

— Мы же с тобой вон сколько знакомы. Я вижу, как ты договариваешься с дельцами, как ведёшь себя в торговых лавках, как умеешь себя поставить. Если будет желание, то через полгода весь город у тебя с рук есть будет. Вот посмотришь.

Майк презрительно скривился.

— А этот... Тыфу на него.

— Майк, понимаешь... Марта, Браул, понимаете, я не хотела вас обманывать. Проклятье! Я любила Виктора, понимаете? И подумать не могла, что человек способен вести себя так: сегодня быть счастливым и любящим, а завтра сбросить маску и превратиться в холодного, чужого, жестокого и подлого незнакомца.

Я всхлипнула и сжала пальцы.

— И я не говорила вам не потому, что хотела обмануть. Мне было стыдно. Стыдно за то, какой глупой и доверчивой я оказалась.

— Стыдно? За что, детка? — Марта легко похлопала меня по руке, которую я протянула к ней, чтобы забрать стакан с водой. — За то, что хотела быть счастливой? За то, что влюбилась в уроды? Ой, ты думаешь, первая такая? — Марта фыркнула. — Не стоит он твоих слёз. Майк прав. И Браул прав. Говно он, а не человек. Любящий мужчина никогда бы так не поступил.

Она снова погладила меня по руке.

— И хорошо, что он предал тебя сейчас. Хорошо, что так быстро показал своё настоящее лицо. А ты представляешь, если бы вы прожили вместе десять лет? Ты ещё молода и красива. Ещё будешь счастлива, обязательно найдёшь своего мужчину и создашь семью. А этот... Пусть живёт как знает. Здоровья ему и радости. Боги всё видят. Он ещё узнает, что такое женские слёзы и чем они отливаются мужчинам.

— Отливаются? — осторожно переспросил Браул.

— Отливаются, дорогой мой, отливаются, — уверенно подтвердила Марта. — Вот ты обидишь какую-нибудь девицу — сразу поймёшь.

— Это как? — уточнил Браул.

Майк хмыкнул, почесал затылок и многозначительно посмотрел на младшего брата.

— Да, младшенький, отливаются. А ещё отбиваются, забываются и отбиваются снова. В общем, имей в виду: рука у тётушки тяжёлая, а с женщинами надо быть нежнее.

Эта фраза, сказанная с таким видом, что становилось понятным — Майк говорил на основании богатого жизненного опыта, окончательно разрядила обстановку.

Гостиная тётушки Марты наполнилась смехом. Низкий, глубокий смех Майка смешивался с более высоким голосом Браула, а поверх них переливался мягкий, тёплый смех Марты. Я тоже не удержалась и рассмеялась — сначала неуверенно, тихо, а потом уже искренне, от всей души.

Этот смех будто поставил точку в моей прошлой жизни и открыл дверь туда, куда я так стремилась. В моё новое и, очень хотелось надеяться, счастливое будущее.

А через два дня мы окончательно закончили ремонт в моём доме.

И именно тогда мне в голову пришла идея. Самая лучшая. Гениальная! Удивительная в своей простоте и настолько перспективная, что я удивилась, как это мне раньше в голову не пришло. Теперь я точно знала, что будет продаваться на полках моего торгового зала. Оставалось только всё продумать и убедить Марту и её племянников согласиться участвовать в моём проекте!

Глава 6

— Элис, детка, заверни мне, пожалуйста, вот тех, моих любимых, розовеньких, с нежным кремом.

— Госпожа Томсон, для вас, как всегда, эклеры с клубничным кремом уже отложены. Держите.

Я взяла заранее приготовленный кулёк из плотной промасленной бумаги и протянула его дородной женщине.

Госпожа Томсон была почётной жительницей Бринхолла, матроной, знавшей всех и каждого, а ещё женой городского бургомистра. То есть человека важного, уважаемого и, по мнению самой госпожи Томсон, совершенно незаменимого для процветания города.

Женщина, получив свои любимые пирожные, улыбнулась, и на её щеках распустились красные цветы удовольствия.

— Детка, ты такая хорошая, — прокудахтала она, выкладывая на прилавок деньги за любимый десерт.

Я с улыбкой наблюдала, как пышная фигура госпожи Томсон покидает мою кондитерскую. Впрочем, долго размышлять о почтенной супруге бургомистра мне не пришлось. Перед прилавком уже стояла целая очередь желающих закупиться сладостями к вечернему столу.

Чего только теперь не было в моём торговом зале! Здесь можно было купить всё: от простого коржика, щедро посыпанного сахарной пудрой, и небольших пирожков с мясной начинкой до сложных слоёных пирогов, воздушных эклеров и тортов на заказ.

Год назад, когда ремонт закончился, а полки всё ещё стояли пустыми, я, совершенно не желая расставаться с семьёй тётушки Марты, придумала замечательный план. И вознамерилась воплотить его в Бринхолле.

Три дня я потратила на изучение местного рынка. Оказалось, что в городе хватало торговых палаток, трактиров, чайных, постоялых дворов и небольших закусочных, где можно было быстро перекусить. Можно было купить хлеб, мясо, овощи, сыр, выпить кружку горячего чая или съесть густую похлёбку.

А вот отдельной кондитерской в Бринхолле не было.

Конечно, многие хозяйки предпочитали печь хлеб сами. Но я до сих пор не понимала, почему никому не пришло в голову открыть место, где жителей небольшого городка радовали бы вкусной, свежей и качественной выпечкой. Но если кто-то упустил свою возможность, то мне это было только на руку. План начал обретать всё более чёткие очертания.

После изучения внутреннего рынка я не поленилась и изучила окрестности Бринхолла.

И оказалось, что вокруг города действительно было немало богатых поместий. Проживая в столице большую часть своей жизни, я понаслышке знала: леди и лорды привыкли видеть на столе не только сытную еду, но и всякие приятные сладости. И, что особенно важно, денег на подобные маленькие удовольствия они обычно не жалели.

Поэтому к тётушке Марте я пришла уже с готовым планом будущего дела.

Как же она сопротивлялась! Это целая отдельная история.

— Элис, — ворчала Марта, с раздражением вымешивая тесто во время нашего первого разговора, — что за глупости ты говоришь? Ну кому в Бринхолле могут понадобиться мои булочки? Или пирожки? Или что ты там ещё себе придумала?

— И булочки, и пирожки, и пирожные, и эклеры, и сдобный хлеб, — бойко отвечала я, задорно хрустя свежееиспечённым коржиком. — И всё-всё-всё, что ты умеешь делать. А ещё то, что пока даже не пробовала печь. Мы обязательно найдём новые рецепты, всё опробуем и выберем лучшее.

— Выберем она, — недовольно фыркала Марта. — А печь кто будет? Вздор это, точно тебе говорю!

— Ничего и не вздор! Вот увидишь, тётушка, ещё придёт день, когда твои булочки будут заказывать к столу самые важные люди Бринхолла.

— Говорю, вздор, — упорствовала Марта, формируя из теста будущие ореховые колечки. — Никто не станет покупать мою стряпню.

— Марта, ты пойми одну простую вещь, — не сдавалась я, доставая из печи противень с уже готовой выпечкой. — Многие хозяйки предпочтут отдать пару грошей за готовую сдобную булочку, чем потратить два часа на кухне, пытаясь испечь такую же. Ты даже не понимаешь, от чего отказываешься!

— Вот раз такая умная, — Марта подбоченилась и нахмурила брови, — так сама и пеки.

Я вытерла руки о фартук, приобняла скептически настроенную хозяйку дома за покатые плечи и тепло ей улыбнулась.

— Я не умею готовить.

— Ну конечно, — фыркнула Марта.

— Нет, правда. То есть готовить я, разумеется, умею, но выпечка мне совершенно не удаётся. Понимаешь, отец учил меня вести дела. Я знаю, как добиться разрешения на производство товара, как привлечь клиентов, чего требует рынок и как сделать так, чтобы у нас была хорошая репутация. Но я совершенно не представляю, сколько дрожжей нужно добавить в муку и воду, сколько сахара туда положить и как правильно взбить сливки, чтобы в итоге получились такие вкусные пирожные, как у тебя.

Марта недовольно поджала губы, но слушала внимательно.

— Поэтому я и предлагаю тебе готовить не на своей кухне, а на моей — новой и шикарной. С хорошим оборудованием, прекрасной печью, в которую, между прочим, помещаются сразу четыре противня.

— Элис, а зачем тебе такая печь? — вдруг хмыкнула тётушка Марта.

Я игриво пожала плечами и совершенно честно ответила:

— А мне она и не нужна была. Это всё твои племянники. Они заказывали печь, договаривались с печником и сами рисовали проект. Наверное, в тот момент были очень голодными и думали исключительно о тебе.

— Охламоны! — всплеснув руками, проворчала Марта. — Как есть охламоны.

— Тётушка Марта, не надо ругаться. Твои племянники сделали для меня так много.

— Сделать-то сделали, — бурчала она. — Но ты мне зубы не заговаривай. Мы сейчас не о них говорили.

— Ах да, моя идея. Послушай, давай позовём Майка и Браула и узнаем, что они об этом думают. Я уверена, братья меня поддержат.

— Они-то? Конечно, поддержат, — расхохоталась Марта. — И ещё сверху накидают несколько идей. Чего только не придумают, лишь бы нагрузить тётушку работой.

— Марта, ну, в конце концов! — заговорила я строже и от возмущения даже притопнула ногой. — Я же не предлагаю тебе работать бесплатно. Мы всё оформим официально. Сначала я проверю, какие документы остались после бабушки, и получу все необходимые разрешения на торговлю. А когда с бумагами будет порядок, мы заключим договор о партнёрстве.

— Чего? — Марта вскинула брови.

— Договор о партнёрстве. С меня помещение, реализация продукции, поиск клиентов и ведение счетов. Причём счета будут абсолютно открытыми. Ты и твои племянники всегда сможете посмотреть записи и узнать, сколько мы заработали и на что потратили деньги. При необходимости я отчитаюсь за каждый грошик.

Марта слушала меня, чуть склонив голову набок.

— А с тебя — изготовление нашей продукции. Мы придумаем название, закажем красивую вывеску и заполним витрину всевозможными сладостями.

— Так они же испортятся.

— Значит, начнём с тех, которые могут храниться дольше. Например, с леденцов. Ты умеешь делать сахарные леденцы?

— А что там уметь? Конечно, умею! Их можно делать цветными, можно заливать на палочки, а можно формировать маленькие кругленькие карамельки. Мальчишки мои в детстве их очень любили. Я раньше часто готовила. Ещё можно делать мармелад. О, кстати, шоколад! Ты знаешь, из него тоже можно готовить разные фигурные сладости. И я знаю, как сделать шоколадные фигурки устойчивыми, чтобы они не таяли.

— Видишь? У тебя уже в голове появилось множество идей.

— Да ну тебя, Элис. Глупости ты говоришь.

— Глупости?

— Ну как это я могу заключить с тобой какой-то договор? — Марта всё ещё хмурилась, но уже не так недовольно, скорее задумчиво.

— Самый обычный партнёрский договор, — в котором будут прописаны наши обязанности и чётко разделена совместная прибыль.

— Какая прибыль? — Марта недоверчиво поджала губы. — Два гроша и три тумака? Вот и вся прибыль, которую мы в Бринхолле получим.

— Марта, смотри шире. Вокруг Бринхолла расположено множество поместий.

— И что?

— А то, что в каждом поместье живёт какой-нибудь заносчивый лорд. И у каждого лорда есть матушка, бабушка, сестрёнка, жена, дочка или сыночек, который очень любит сладкое.

— Да? Умная какая, — протянула Марта. — А как эти сладкоежки узнают о твоих широких планах залезть в их кошельки?

— Как узнают? Мы сами придём к ним домой и всё расскажем.

— И как ты себе это представляешь?

Я только задорно рассмеялась и принялась объяснять ей свой план в подробностях.

6.2

Для начала нам требовалось привести в порядок документы, затем заказать большую витрину. Полки, которые сейчас стояли в торговом зале, для выпечки не подходили. Нам нужно было каждый день выставлять свежий товар так, чтобы его можно было рассмотреть и выбрать.

Разумеется, требовалась и красивая вывеска. Но всё это были мелочи.

Главным в моём плане было объехать каждое поместье и встретиться с кухарками. Кто бы что ни говорил, а в любом поместье главными были именно они. От кухарки зависело, что появится на столе у хозяев, какие продукты будут заказывать и чем станут угощать гостей. Значит, именно они должны были стать нашими первыми и самыми важными клиентами.

Конечно, я собиралась ехать туда не с пустыми руками и разговорами, а с корзинкой пробников. Кухарка, хозяйка дома и их дети смогли бы попробовать нашу выпечку и по достоинству оценить её вкус. Мы должны были предложить всё: обычный хлеб, булочки, пирожки, пироги, эклеры, конфеты и более сложные десерты на заказ.

Марта слушала, затаив дыхание. Конечно, она по-прежнему считала, что я несу вздор, и время от времени вставляла осторожные возражения. Но постепенно эти возражения сменились размышлениями, а те, в свою очередь, переросли в предложения.

Она уверенно начала рассуждать, какие рецепты могли больше понравиться благородным лордам и леди, какие сладости лучше подошли бы для детских праздников, а какие можно было бы подавать к вечернему чаю. Строила планы, где лучше закупать муку, у кого брать яйца, покупать орехи. А также начала составлять список пряностей и редких ингредиентов, которые нам необходимо было бы постоянно заказывать.

Вот тогда я и поняла, что наше дело обязательно выгорит. Прибыль потечёт к нам если не широкой рекой, то бойким горным ручьём точно.

Собственно, так всё и случилось.

Конечно, нервов ушло немало, и всё задуманное исполнялось не так легко, как мне бы хотелось.

Много времени заняло оформление документов. За то время, пока я отстаивала свою идею, я услышала немало шуточек и смешков за спиной. Три вывески пришлось отвергнуть: то использовали не те цвета, то завитки располагались не в ту сторону, то было принято решение поменять название, а то мне и вовсе не понравилось качество. Я хотела, чтобы всё было качественным и выглядело именно так, как задумывалось.

О поездках от поместья к поместью и говорить нечего. Мы с Браулом каждый день отправлялись в очередной богатый дом с корзинками пробников. Видели высокомерные взгляды служанок, сталкивались с непониманием и выслушивали отказы. Иногда нас даже не желали слушать до конца.

Но случались и минуты радости. Маленькие победы, которые казались настоящими триумфами.

Торговый зал пришлось немного переделать. Мы заказали большую витрину, спроектированную, между прочим, по моему рисунку. Я точно знала, чего хочу, поэтому не позволила мастеру вносить в проект изменения.

В итоге у нас появилась не просто открытая торговая лавка, а застеклённая витрина с множеством полочек на невесомых белых подставках, будто сделанных из зефира. На них располагались румяные булочки, свежие пирожные и самые аппетитные сладости из новой партии, приготовленной Мартой.

Кухню тоже пришлось немного переоборудовать. Вместо небольшого обеденного стола, который очень удобно стоял у окна, мы заказали длинный, широкий и добротный. На нём помещались все противни, миски с тестом и ингредиенты, необходимые Марте для работы.

Правда, из-за этого мне пришлось терпеть одно неудобство: в собственном доме почти не осталось места для приготовления обычного обеда или ужина. Целыми днями на кухне творилась настоящая магия, и происходила она настолько бурно, что на плите порой не находилось места даже для небольшой кастрюли с мясной похлёбкой.

Но и эту проблему мы в конце концов решили. Правда, не сразу.

Главные перемены начались в тот день, когда из одного поместья к нам приехал посыльный с заказом на булочки. Вскоре за ним прибыл другой, а через несколько дней появился третий.

Так, медленно и временами болезненно, наше дело наконец начало налаживаться.

Уже через полгода те, кто поначалу хихикал мне в спину, стали нашими постоянными клиентами. А заказы из больших домов — так мы между собой называли поместья — приносили прекрасную выручку.

Настолько прекрасную, что Майк бросил прежнюю работу и стал помогать нам с Мартой.

Браул потом не раз смеялся над старшим братом, напоминая, что сам с самого начала согласился работать за небольшую плату и еду. А Майк, дескать, долго думал, прежде чем признать очевидное: сладкий бизнес способен приносить гораздо больше денег, чем его прежняя работа.

Теперь они оба подумывали о собственном доме. Обсуждали покупку участка на окраине города и строительство, но иногда поговаривали и о займе, чтобы приобрести уже готовые, пусть и не самые просторные дома в Бринхолле.

Кто бы мог подумать, что торговля сладостями окажется настолько прибыльной?

Хотя, с другой стороны, хорошо, что никто не догадался об этом раньше нас. Мы были первыми и не собирались пускать на рынок конкурентов.

Слава о нашей кондитерской постепенно вышла далеко за пределы Бринхолла. Настолько далеко, что однажды нас посетил очень неприятный гость.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.